

IX Международный конгресс МАПРЯЛ

ДОКЛАДЫ

Е.Е.ИВАНОВ

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ
АФОРИЗМА В РУСИСТИКЕ 60-80 гг.

Издается в рамках программы
«История русской культуры афоризма»

МИПСК
1999

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.А.КУЛЕШОВА

Е.Е.Иванов

**ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ
АФОРИЗМА В РУСИСТИКЕ 60-80 ГГ.**

**(Проблемы формирования
лингвистической теории афоризма)**

Минск
“Веды”
1999

УДК 882.6.09

ББК 83.3

И 18

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований
(грант №Г97М-109)

*Рекомендовано Ученым советом филологического факультета
Могилевского государственного университета им. А.А.Кулешова
24 июня 1999 г., протокол № 10*

Иванов Е.Е.

И 18 Изучение языковой природы афоризма в русистике 60-80 гг.: (Проблемы формирования лингвистической теории афоризма): IX Международный конгресс МАПРЯЛ: (Братислава, Словакия, 16–21 августа 1999 г.): Доклады / Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы; Могилевский гос. ун-т им. А.А.Кулешова. – Мн.: “Веды”, 1999. – 52 с.

ISBN 985-450-021-7

УДК 882.6.09

ББК 83.3

ISBN 985-450-021-7

© Е.Е.Иванов, 1999

*Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.*

Евгений Баратынский,

****Старательно мы наблюдаем свет*

Языковая природа афоризма¹ как специфического продукта и знакового средства речемыслительной деятельности стала предметом глубокого внимания русистов только в 70–80 гг. нашего столетия, поэтому наиболее общими отличительными чертами существующей лингвистической интерпретации афоризма являются, прежде всего, естественное отсутствие единства концептуальных и методологических подходов к его изучению, неразработанность соответствующего метаязыка описания, частная проблематика и атомарный характер исследований, а также вообще их относительно небольшое количество² (по сравнению не только с изучением, например, фразем или же логико-семантической структуры высказывания, но также и самих афоризмов как объекта исторической и теоретической поэтики или фольклористики).

Тем не менее, можно считать, что сложившиеся проблемная широта вопросов собственно лингвистического изучения афоризма, основательность и глубина отдельных интерпретаций его языковой природы и осмысления места афоризмов в системе современных представлений о языке достигли на сегодняшний день того предела, за которым все существующие попытки изучения лингвистики афоризма в своей совокупности необходимо рассматривать уже как эпистемологически (хотя пока и не категориально) гомогенное и в достаточной степени самостоятельное ответвление лингвистического знания (см. *Иванов 1993а и 1995, Иванов 1994*). Очевидным метаязыковым свидетельством этого является отражение самого понятия афоризма в лингвистических энциклопедиях и словарях лингвистических терминов, ставшее в последнее время более или менее регулярным (ср., например, *Прохоров 1979, Розенталь, Теленкова 1985, Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995*)³.

Лингвистическое изучение афоризма (как устойчивой в речи фразы, так и речевого произведения), которое, разумеется, нельзя отождествлять ни с “общей” афористикой как особой областью гуманитарных знаний (на пересечении филологии, философии и фольклористики), ни с афористикой только как специальным разделом одной филологии (на пересечении лингвистики, исторической и теоретической поэтики и

других, более мелких дисциплин филологического цикла)⁴, находится только в стадии своего самоопределения как специальная область лингвистического знания, и поэтому естественно еще не выработано ни ее целей и задач, ни собственных методов и приемов исследования. В современной лингвистике не существует даже более или менее теоретически обоснованного и общепринятого понимания афоризма как феномена языка vs. речи (который ни в лингвистике, ни вообще в филологии, как отмечает *Прохоров 1979*, “еще не получил точного определения”), несмотря на целый ряд его довольно основательных эмпирических описаний и определенных попыток обобщения их результатов (в том числе и весьма оригинальных частных теоретических построений) прежде всего в терминах таких языковедческих дисциплин, как фразеология и лингвострановедение, а также в рамках изучения языка художественной литературы.

Существующая концептуальная и методологическая пестрота в квалификации афоризма как собственно лингвистического объекта свидетельствует не только о неопределенности основных понятий и различиях исходных позиций тех или иных исследователей, но и об эпистемологической трудности лингвистического изучения афоризма, который представляет по своей структуре и способам функционирования сложный языковой объект (речевое произведение, рекуррентное высказывание, устойчивую фразу, паремию, художественный текст и т.д.) и поэтому естественно может выступать предметом изучения одновременно нескольких лингвистических дисциплин (и/или поддисциплин). Развитию же целостного лингвистического взгляда на афоризм препятствует отсутствие не столько тенденции к унификации общетеоретических (resp. аксиоматических) представлений об афоризме в терминах разных дисциплин, сколько более или менее разработанной и обоснованной общелингвистической теории афоризма.

Только неразвитостью теоретических представлений об афоризме как тексте и как единице языка vs. речи можно объяснить, в частности, то парадоксальное явление, что понятие афоризма весьма редко интерпретируется в лингвистике целиком в терминах самой лингвистики. Достаточно обратиться, например, к его типичной дефиниции в новейшем лингвистическом справочнике *Васильевой, Виноградова, Шахнаровича 1995*, где афоризм определяется как “краткое, отточенное по форме изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль”. В наиболее же авторитетном русском энциклопедическом издании по теории и истории литературы афоризм квалифицируется *Гаспаровым 1987*, как “обобщенная мысль, выраженная в лаконичной, художественно заостренной форме”. Как можно легко заметить, при выделении

дифференциальных признаков афоризма и в лингвистике, и в поэтике весьма широко используются понятия *краткий, лаконичный, заостренный, отточенный (по форме)* и т.п., о которых, тем не менее, едва ли можно говорить как о собственно лингвистических в строгом смысле слова (впрочем, как и вообще о понятиях метаязыка науки). Ср. в связи с последним обиходное значение лексемы афоризм, которая в *Словаре русского языка* 1981 семантизируется как “изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль”.

С другой стороны, сам термин “афоризм” вообще не нашел своего отражения в целом ряде фундаментальных лингвистических энциклопедий и словарей лингвистической терминологии XX века (ср., например, *Ахманова* 1966 или *ЛЭС* 1990 и др.), хотя на практике обычно весьма широко используется лингвистами для обозначения соответствующей разновидности речевых произведений и устойчивых в речи фраз.

Отсутствие собственно лингвистической теории афоризма послужило также причиной того, что хотя афоризмы – прецедентные тексты (прежде всего из числа пословиц и поговорок) и начали систематически изучаться лингвистами еще с середины XIX века, а с развитием фразеологии как лингвистической дисциплины стали sporadически рассматриваться и в качестве собственно языковых феноменов, именно вне лингвистики, в рамках структурной паремиологии, *Пермяковым* 1970, 8 было выдвинуто (частично, кстати, вслед за *Оссовецким* 1952, 98) неопределимое по своей теоретической значимости положение о безусловной принадлежности афоризмов-паремий языку безотносительно их возможного определения как элементов иных семиотических систем: “тройкая природа пословиц и поговорок требует и тройкого к ним подхода – как к явлениям языка, явлениям мысли и явлениям фольклора, тем более что названные три плана пословичных изречений в значительной степени являются автономными”.

В этой связи совершенно очевидна необходимость описания афоризма на теоретическом уровне, во-первых, в терминах лингвистики, а во-вторых, как целостного лингвистического объекта (непр. гомогенного по своим категориальным признакам феномена языка vs. речи), т.е. построение собственно лингвистической теории афоризма.

Как и всякая научная теория, которая никогда не возникает “на пустом месте”, лингвистическая теория афоризма должна, во-первых, отталкиваться от уже существующего теоретического знания, либо основываясь на нем, либо опровергая его как ошибочное, а во-вторых,

органически включать в себя в качестве частных положений все не противоречащие ей предыдущие теоретические построения. Именно поэтому создание лингвистической теории афоризма должно начинаться, прежде всего, с реконструкции (resp. эпистемологической квалификации и систематизации) имеющихся теоретических представлений о его лингвистической сущности (независимо от степени их теоретичности и репрезентативности), экспликации существующих в них концептуальных и методологических лагун и противоречий и определения актуальных проблем изучения языковой природы афоризма.

Основной целью этого доклада, таким образом, является попытка определить основные направления, специфику развития и современное состояние лингвистического исследования афоризмов, очертить и проанализировать его ключевые проблемы и вопросы, обобщить и критически осмыслить его результаты⁵.

Основанием для квалификации основных существующих аспектов изучения афоризма как сложного лингвистического объекта послужили как сформировавшиеся в русистике тенденции его осмысления, так и те отдельные взгляды, которые, еще не будучи широко распространены, тем не менее, отличаются значимостью предложенных концептуальных и методологических подходов к интерпретации языковой природы афоризма, и поэтому не только заслуживают внимания сами по себе, но и не могут не учитываться при попытке более или менее целостно реконструировать картину современных лингвистических представлений об афоризме.

До начала XX века афоризм не рассматривался в терминах лингвистики (соответственно, не существовало в русском языкознании и самого понятия афоризма), хотя внимание лингвистов всегда привлекали высказывания со значением вневременного обобщения действительности (преимущественно клишированные – прежде всего из числа пословиц и поговорок), главным образом с точки зрения их грамматической формы, семантической специфики, а также некоторых особенностей их возникновения и функционирования. В частности, еще *Потемней* (1883–1884) 1892 была сделана попытка объяснить феномен образования свойственной пословицам и поговоркам семантики образного обобщения действительности, что он определил как процесс так называемого “сгущения мысли”. Вместе с отдельными исследованиями синтаксического построения русских пословиц, как, например, *Глаго-*

левского 1874 (в том числе и в лингводидактических целях Деркачева 1870, Барсова 1890 и др.), те из них, которые имеют прямую мотивировку своего значения, традиционно широко рассматривались при описании грамматической системы русского языка⁶.

Афоризм был эксплицирован в русистике как собственно лингвистический объект только в 30-х гг. нашего столетия в рамках стилистики, когда появились первые попытки определения его дифференциальных признаков как художественного произведения (ср., например, Рыбникова 1937, 256–258). Под мощным влиянием параллельного развития литературоведческих направлений в афористике (прежде всего литературно-философского и -художественного, см. Иваноў 1994) до середины XX века афоризм рассматривался в лингвистике только как литературный текст и/или как интертекстуальный элемент прежде всего литературных текстов. Показательно, что такое понимание афоризма наиболее распространено и в современном языкознании.

Лингвистический анализ афоризма как литературного текста ограничивается в русистике преимущественно рассмотрением литературно-художественных произведений (ср. Пулинец 1958 Сукиасова 1961, Горнунг 1967, Бармин 1976, диссертацию Немера 1973, Розанова 1982, Гладышева 1983, Сандова 1985, Глухих 1988, Влахов 1992, Бортник 1993, Гучинская 1993, Шестакова 1995, Роднянская 1996, Кулишкина 1997, Перцов 1997 и др.)⁷, хотя жанр афоризмов достаточно широко представлен и в языке науки (причем не только в области философии, где афористический способ мышления и речи достиг наивысшего расцвета, сравнимого по своему уровню с лучшими образцами художественной афористики, но и в самых разных ответвлениях научного знания, в том числе и лингвистического⁸), и в публицистике (в частности, и в сфере устной публичной речи), и в юридической практике (где формулировки многих правовых норм еще со времен законов талиона являются по своей семантической структуре афористическими), и в некоторых разновидностях текстов массовой коммуникации (напр., в текстах эпиграфических лозунгов, надписей рекомендательного и/или регламентационного содержания, в языке рекламы, см. Иваноў 1995) и т.д.

Представления о языковой природе афоризма как литературного текста (геолого-семантической разновидности высказывания) и, прежде всего о его соответствующих категориальных параметрах (как в терминах лингвистики, так и в терминах поэтики) являются весьма расплывчатыми по причине неоднозначности и противоречивости существ-

вующих взглядов. Объем самого понятия афоризма определяется весьма широко, от любого по своей стилистической структуре изречения с обязательно непарадоксальным содержанием и общезначимой тематики до высказываний с намеренно неожиданным и изощренным способом выражения мысли, которая является, в свою очередь, отражением только сугубо индивидуального миропонимания ее автора (ср. *Успенский* 1964, *Эттингейн* 1987, *Федоренко, Сокольская* 1990, 181–186).

Одной из наиболее актуальных проблем теоретического осмысления языковой природы афоризма как литературного (прежде всего художественного) текста является, пожалуй, ставший уже сакраментальным вопрос категориального отграничения собственно афоризмов от других малых форм художественного словесного творчества на фоне широко распространенного среди филологов убеждения, что сама по себе “афористичность” как определенное качество или совокупность качеств высказывания может быть свойственна не только афоризмам, но и иным малым жанрам (ср. *Федоренко* 1973, *Федоренко, Сокольская* 1985 и др.). Естественно, такого рода противоречие неразрешимо без точного определения самого качества “афористичности” и как категориального признака высказывания, и как семантико-генологического свойства литературного текста, и как особенности идиостиля.

В целом лингвистическое описание афоризма как литературного текста остается на сегодняшний день во многом поверхностным и мало репрезентативным⁹ прежде всего по причине своей эпистемологической неформленности и неоднозначности (resp. концептуальной и методологической недифференцированности не только как собственно лингвистических, но и как лингвопоэтических).

Изучение литературных афоризмов на протяжении последнего полувека так и не смогло теоретически самоопределиться ни в терминах собственно лингвистики, ни в рамках лингвопоэтики. Даже на уровне метаязыка описания оно не столько подпадает влиянию исследований литературной афористики как семантико-генологической разновидности словесного творчества (и в синхронии, и в диахронии), сколько продолжает оставаться своего рода составляющей частью литературоведческого осмысления афоризма, которое, в свою очередь, еще само находится только в стадии формирования в самостоятельную область теоретической и исторической поэтики. В среде же литературоведов, кстати, вовсе не редкость мнения, как, например, *Федоренко* и *Сокольской* 1990, 10, о том, что помимо существующей эпистемологической гетерогенности и противоречивости изучения афоризма как жанровой и стилистической разновидности художественных текстов, “проблемы афористики осложняются к тому же суждениями об афоризмах лекси-

кологов и паремиологов”.

Подавляющее большинство лингвистических исследований литературной афористики находится, если можно так выразиться, “в плену” поэтической функции языка и поэтики идиостиля, поскольку предметом анализа выступают преимущественно средства реализации поэтической (resp. эстетической) функции языка и особенностей идиостиля в текстах афоризмов. При этом языковая природа последних рассматривается обычно на материале того или иного художественного идиолекта и весьма редко выходит за его пределы, что не позволяет составить целостное представление о языковой специфике афоризмов – художественных текстов не только в рамках определенной национальной литературной традиции либо определенного этапа ее исторического развития (не говоря уже о течениях или исторических эпохах в развитии литературы вообще), но и как специфического продукта творческого акта речемыслительной деятельности. Это, в свою очередь, не позволяет выделить дифференциальные признаки афоризмов – художественных произведений как разновидности литературных текстов, их содержательное и структурное своеобразие, и на этом основании категориально разграничить афоризмы – художественные произведения и афоризмы как литературные не художественные тексты, фольклорные произведения и т.д.

Сама проблема концептуального и методологического разграничения лингвистики и поэтики в изучении литературного афоризма (актуальная, разумеется, только для лингвистики) является, по существу, проблемой преодоления хаотической контаминации осмысления афоризма в терминах соответствующих дисциплин, когда всякий раз бывает трудно определить, что это – “литературоведческая лингвистика” или “лингвистическое литературоведение”?

Безусловно, игнорирование ценностного аспекта (resp. эстетической и этической перспектив) в рассмотрении языковых особенностей художественных текстов неизбежно обедняет, если вообще не делает бессмысленным, само исследование. Весьма трудно представить себе историю литературы без истории языка, а полноценный поэтический разбор того или иного произведения без определенных лингвистических данных, хотя чрезмерная замкнутость “чисто” языкового анализа и опасна в методологическом отношении (ибо ведет, как отмечается в *Очерках* 1990, 4, к отождествлению “структуры” и “сущности”) только в рамках изучения идиостиля. Возможностями изучения последнего пока преимущественно ограничена и лингвопоэтика, чем, собственно, и оправдана конгломерация в ней лингвистического и литературоведческого подходов (в этом смысле, как кажется, отнюдь не потеряло

своей актуальности известное высказывание *Винокура* [(1945?) 1959] 1990, 140 о том, что “постановка вопроса об индивидуальном стиле и составляет границу между лингвистикой и прочими науками, заинтересованными в данных языка”).

Большинство же исследований афоризма (в том числе и в идиостилистической перспективе), которые, на первый взгляд, находятся на стыке лингвистики и поэтики, отличаются эпистемологической неопределенностью и, как правило, произвольным сочетанием методов и приемов названных дисциплин (ср., например, *Бармин* 1976, *Бортник* 1993 и т.п.). По этой причине довольно трудно однозначно определить исследования подобного рода (целиком или на основании определенных аспектов анализа и/или методологических установок) как собственно лингвистические (в том числе и лингвопоэтические) либо как литературоведческие (на основании данных языка).

Такое положение вещей было бы вполне естественным и понятным, если бы существовали устойчивые традиции изучения афоризма как в терминах поэтики, так и в терминах лингвистики, которые бы на определенном этапе своего развития объективно эпистемологически исчерпали себя. Однако, когда сами соответствующие традиции еще только формируются, наличие такого рода исследований только еще раз свидетельствует об отсутствии пока более или менее обоснованных концептуальных и методологических подходов к изучению афоризма как литературного текста (и текста вообще), в том числе и в терминах лингвистики.

В середине 50-х гг. в связи с развитием в русистике изучения устойчивых в речи словесных комплексов (в том числе и устойчивых фраз) понятие афоризма было транспонировано во фразеологию, прежде всего применительно к пословицам и поговоркам, которые начали квалифицироваться как так называемые “народные афоризмы”¹⁰, а затем и просто как “афоризмы”¹¹, а во-вторых, применительно к крылатым фразам, литературным цитатам и идиостилистическим фразовым инновациям с семантикой обобщения действительности, которые вместе со всеми другими несвободными словесными комплексами (в том числе и окказиональными) были объединены в рамках так называемой “фразеологии языка писателя” (ср., например, *Рудов* 1957). Тогда же получила свое начало не оконченная и по сегодняшний день дискуссия о принадлежности vs. непринадлежности фольклорных и нефольклорных (resp. литературных) афоризмов к фразеологическому составу языка и вообще к предмету лингвистики (ср. *Оссовецкий* 1952, 98, *Ба-*

Осмысление устойчивых в речи афористических фраз (прежде всего из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений) как единиц фразеологического состава языка неразрывно связано с проблемой определения, во-первых, самого понятия фразеологизма как специфической языковой единицы, а во-вторых, объема фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. И если сужение объема фразеологии обусловлено преимущественно целью “найти” для фразеологических единиц “свое” место в системе языка, то границы фразеологии в широком (resp. традиционном) смысле очерчиваются, прежде всего, посредством нахождения того универсального и гомогенного, что позволяет не только рассматривать все несвободные сочетания слов в качестве специфического феномена языка vs. речи, но и определить основные свойства и признаки фразеологизма как специфической лингвистической единицы. Пожалуй, одним из наиболее спорных в этом смысле является вопрос о включении в состав фразеологизмов (как в узком, так и в широком их понимании) пословиц, поговорок и крылатых выражений (в том числе и афористических).

В современной фразеологии, таким образом, можно в самом общем виде выделить три основных подхода к решению последнего вопроса, в зависимости от которых само понимание объема фразеологии приобретает специфическое осмысление и может быть, в свою очередь, вопреки сложившейся традиции определено трояко:

1) пословицы, поговорки и крылатые выражения вообще не квалифицируются как фразеологизмы, что характеризует понимание объема фразеологии только в узком смысле;

2) пословицы, поговорки и крылатые выражения объединяются на основании тех или иных общих признаков (прежде всего сверхсловности и воспроизводимости) с иными несвободными в речи словесными комплексами, что характеризует понимание фразеологии только в широком смысле;

3) пословицы, поговорки и крылатые выражения определяются как специфический тип фразеологических единиц, что характеризует особую разновидность фразеологии, если можно так сказать, “не в узком смысле” (resp. как результат категориального разграничения фразеологии в широком смысле на фразеологию собственно в узком смысле и на “остальную” фразеологию), объектом которой являются только устойчивые фразы фольклорного и литературного происхождения.

В рамках последнего подхода была эксплицирована еще одна точка зрения, согласно которой устойчивые в речи фразы афористической семантики из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений были квалифицированы *Гавриным* 1971 как особая лингвистическая категория – так называемая “афористическая фразеология”.

Включение пословиц, поговорок и крылатых выражений в состав фразеологических единиц языка, как правило, обосновывается тем, что и первые, и вторые обладают такими общими дифференциальными признаками, как сверхсловность (или так называемая “раздельнооформленность”), воспроизводимость и устойчивость. Еще одним существенным основанием отнесения пословиц, поговорок и крылатых слов к объекту фразеологии признается само наличие у многих из них переносной мотивировки общего значения (или значения какой-то их части) детерминирующей, в свою очередь, уникальную сочетаемость компонентов пословиц, поговорок и крылатых слов. Все указанные признаки рассматриваются в качестве универсальных по отношению к фразеологии в широком смысле и дифференцирующих “собственно” фразеологические единицы.

Вместе с тем, даже не обращаясь к очевидным структурным отличиям устойчивых фраз от всех остальных разновидностей фразеологических единиц (первые, как известно, являются знаками ситуаций или отношений между вещами и семантически эквивалентны предложениям, а вторые выступают как знаки понятий и потому содержательно эквивалентны словам), следует отметить, что такие признаки, как сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость и наличие переносной мотивировки (общего значения или значения отдельных компонентов), вовсе не являются универсальными, как это может выглядеть на первый взгляд, для всех возможных разновидностей фразеологизмов и пословиц, поговорок и крылатых выражений, и прежде всего в отношении последних.

В наибольшей же степени это касается такого, казалось бы, “самоочевидного” их качества, как сверхсловность, поскольку пословицы, поговорки и крылатые выражения, являясь фразами (т.е. будучи синтаксически эквивалентными предложению, а не словосочетанию), естественно могут быть и однословными. Ср., например, крылатые афоризмы *Бди!* и *Козыряй!* (К.Прутков, “Плоды раздумья”) или едва ли не самую “русскую” по своему национально-культурному содержанию паремию *Образуется* (в значении ‘все неприятности когда-нибудь ми□нут сами собой, нужно лишь терпеливо сносить житейские трудности’) как эллиптический вариант распространенной поговорки *Все образуется*.

То же можно сказать и о таком “общем” для всех фразеологизмов и пословиц, поговорок и крылатых выражений качестве, как их полное или частичное переосмысление. Среди паремий встречается немало таких единиц, семантическая структура которых полностью лишена какой бы то ни было образности, а это значит и переносной мотивировки общего значения или значения какого-либо одного из их компонентов. Ср., например, *Всему свое время, Всему свое место, Всему свой черед, Кто ищет, тот найдет, Приказ есть приказ, Третий – лишний, Услуга за услугу, Чему быть, того не миновать, Чудес не бывает* и т.п. Кроме того, довольно значительное количество пословиц (паремий с переносной мотивировкой общего значения) имеет не менее употребимые варианты в прямом смысле, напр.: *Аппетит приходит во время еды* (ср. переносное значение ‘потребность в чем-л., стремление, интерес к чему-л. возрастают по мере того, как все более и более узнаешь что-л., привыкаешь к чему-л. и т.п.’), *Где тонко, там и рвется* (ср. образный смысл ‘неприятность случается обычно именно там, где что-л. оказывается ненадежным’), *Кашу маслом не испортишь* (ср. аллегорическое значение ‘необходимое, полезное не будет вредным даже в очень большом количестве’), *Лежачего не бьют* (ср. переносный смысл ‘тому, кто уже пострадал в какой-л. беде, не следует причинять новых неприятностей’), *Где положишь, там и возьмешь* (ср. образное значение ‘о чем позаботишься, то и принесет пользу’) и т.п.

Предметом семантического анализа афористических паремий в терминах фразеологии в подавляющем большинстве случаев являются особенности номинации действительности и/или генезиса именно образного значения пословицы целиком и/или определенного лексико-семантического (или фразеологического) компонента ее текста. Само же наличие в пословицах и поговорках значения обобщения действительности обычно никак не интерпретируется в терминах лингвистической семантики. Естественным следствием этого можно считать то, что обобщенное значение пословиц и поговорок в отличие от лексического значения обобщения до сих пор не имеет более или менее рационального (а тем более формализованного) лингвистического толкования. Ср., например, широко известные метафорические определения того же *Потебни* [1892] 1990 “сгущение мысли”, “замещение массы мысли” и т.п., которые и по сегодняшней день широко цитируются, когда нужно как-то объяснить феномен возникновения или наличия собственной пословицам или крылатым выражениям семантики образного или даже безобразного обобщения действительности (ср., например, у *Виноградова* [1945] 1990, 164 или во *Фразеологии* 1972, 510–511 и т.д.). Такое объяснение в принципе возможно, однако только при рассмот-

рении общего значения пословиц и поговорок прямой мотивировки, которое обычно игнорируется при семантическом анализе афористических паремий.

Последнее, следует заметить, является результатом бесспорного убеждения большинства фразеологов (и вообще лингвистов) в том, что в безоформальных паремиях их обобщенный смысл тождественен прямому значению высказывания как совокупности значений входящих в него слов, и поэтому никаких дополнительных объяснений в принципе не требует. На практике это обычно проявляется в отсутствии семантизации безоформальных паремий в лингвистических словарях пословиц и поговорок. По мнению Жукова 1991, 13–14, “в составе выражений этого типа слова выступают в своем обычном, свободном значении и не теряют предметной соотнесенности”, поэтому “соответствующие поговорки не нуждаются в толковании”. Однако такого рода утверждения могут иметь смысл по отношению к пословицам и поговоркам только как к речевым произведениям (resp. наличным прецедентным текстам), но не как к языковым знакам. Последнее же понимание пословиц и поговорок (как и иных языковых афоризмов) можно считать уже общепринятым в современной лингвистике. Именно поэтому все без исключения устойчивые афористические фразы могут и должны семантизироваться, как семантизируются все слова и все фразеологизмы.

Крылатые афоризмы рассматриваются в терминах фразеологии преимущественно как наличные прецедентные тексты и большей частью не специально, а в рамках разноаспектного описания непрецедентных индивидуально-авторских афоризмов в структуре художественного идиостиля (ср., например, *Винокур* [1948] 1990, *Винокур* 1974, *Чайковский* 1994 и др.). В то же время крылатые афористические фразы традиционно весьма широко изучаются во фразеологии в отношении их атрибуции по авторству и/или литературному источнику происхождения (ср., самое, пожалуй, известное исследование подобного рода *Ашукина и Ашукиной* [1955] 1987, а также *Латина* 1995 и т.п.), уточнения их первоначального смысла и/или их первоначальной (resp. авторской) формы (*Горнунг* 1967), их литературной истории как интертекстов (resp. цитат-реминисценций), что довольно обстоятельно описано на материале русской поэзии *Коваленко* 1989, и др.

Само понятие афоризма эксплицируется в этом случае только спорадически, хотя вместе с тем и предполагается, что абсолютно все крылатые выражения являются по своей природе “афористическими”. При этом такой лингвистический феномен, как “афористичность” обычно специально (resp. в отношении именно “крылатых слов”) не определяется, а прямо отождествляется с теми или иными структур-

ными и/или функциональными качествами крылатых слов: чаще всего их лаконичностью, содержательной емкостью, остроумием, образной выразительностью и пр., в том числе даже степенью их известности и употребимости за пределами авторского текста, т.е., по существу, с самим же свойством “крылатости” (ср., например, отраженное *Коваленко* 1989, 6 расхожее мнение о том, что “афористичность” – “качество не изначальное, а приобретаемое той или иной поэтической строкой вместе с “крылатостью”).

Таким образом, понятие афористичности либо вообще эпистемологически нейтрализуется (совпадает по своему объему с понятиями “лаконичность”, “содержательная емкость” и т.д.), либо приобретает некий функциональный характер, поскольку “случается, что одни крылатые строки утрачивают свою “крылатость”, а вместе с ним и свою афористичность, “другие же, ранее малоупотребительные, вдруг получают широкое распространение”, а это значит становятся “афористическими” (*Коваленко* 1989, 6). Естественно, что в таком случае ни понятие афористичности, ни тем более понятие афоризма просто не поддаются более или менее строгой квалификации в терминах лингвистики, так же как весьма затруднительной оказывается и собственно лингвистическая интерпретация самого понятия “крылатости”.

Сугубо фразеологический подход к описанию семантики столь нефразеологических единиц, как афоризмы из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений, безусловно, недостаточен для репрезентации всего своеобразия плана содержания последних, как, впрочем, объективно недостаточно такого подхода и для адекватного осмысления структурных и функциональных свойств устойчивых афористических фраз¹². Особенно очевидным это становится при обосновании уровневой организации фразеологического состава языка, когда (даже безотносительно самой правомерности такой его квалификации) обнажается все различие языковой природы афоризмов и собственно фразеологизмов (в узком смысле слова). Именно последнее, как думается, и послужило в свое время причиной попытки описания так называемой “афористической фразеологии” как специфического разряда фразеологических единиц, обладающего достаточными признаками самостоятельной лингвистической категории.

Начало 70-х гг. нашего столетия было отмечено возникновением в русистике независимо друг от друга сразу трех подходов к изучению тех афоризмов, которые являются устойчивыми в речи фразами: в первых, как единиц фразеологической системы языка (“ф р а з е о -

логический” взгляд на афоризм, наиболее последовательно обоснованный Гавриным 1971), во-вторых, как единиц так называемого “паремиологического фонда языка” (получившее широкую известность лингвистическое осмысление афоризма в терминах “структурной паремиологии” в работах Пермякова 1970, 1971, 1975, 1988 и др.), и в-третьих, как единиц особого, “афористического” уровня языка при описании его национально-культурной семантики в учебных целях (“лингвострановедческая” теория афоризма, впервые предложенная Верещагиным и Костомаровым 1976 и [1983] 1990 при разработке культурологического аспекта преподавания русского языка как иностранного).

Именно в рамках последнего подхода была впервые высказана мысль о безоговорочном приоритете в лингвистическом изучении афоризма только анализа “общеязыковых” единиц – тех афористических фраз, которые хорошо известны всем носителям данного идиома и широко распространены в речи, т.е. “массово воспроизводятся” (см. Верещагин, Костомаров 1990, 73)¹³.

Осмысление пословиц, поговорок и крылатых выражений как специфического типа фразеологических единиц (гесп. устойчивых фраз) обычно основывается на выделении принципиальных отличий устойчивых фраз от остальных фразеологизмов, которые заключаются в том, что “...не являясь эквивалентом слова, а будучи эквивалентом целого рассказа, описания событий, и представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в том узком смысле слова” (Фелицына 1964, 202). В свою очередь, в кругу пословиц, поговорок и крылатых выражений выделяются устойчивые фразы афористической семантики, которые, как считает ряд лингвистов, представляют собой специфическое явление в корпусе фразеологических единиц языка.

Такое понимание афоризма в терминах фразеологии, как уже говорилось, наиболее целостно представлено в известной работе Гаврина 1971, где весьма доказательно эксплицированы содержательная сущность афоризма и основные свойства его семантики, а также сделана попытка предложить простой и действенный способ выделения собственно афористического материала языка vs. речи (гесп. разграничения афористических и неафористических устойчивых фраз)¹⁴.

Афоризм определяется Гавриным 1971, 6 как языковая форма выражения “закономерностей” действительности, исходя из того, что

фразы, которые являются “обобщающими по содержанию” отличаются от фраз, которые имеют только функцию обобщения (являются “обобщающими по функции”), прежде всего “общим характером своего высказывания, они характеризуют не конкретный предмет или явление, а предмет или явление вообще, как класс, как тип, как понятие”, как бы “поднимаются от конкретного и единичного к общему, от случайного к необходимому, до уровня выражения существенной, необходимой связи [между теми или иными реалиями – Е.И.], связи постоянной и обычной”. Таким образом, утверждается, что афористические фразы “формулируют какую-нибудь жизненную закономерность или правило” и от всех других (неафористических) фраз “отличаются двумя постоянными особенностями”:

1) они отражают всегда и обычно повторяющуюся связь между явлениями, то, что всегда и обычно присуще предмету”, напр.: *У сильного всегда бессильный виноват; Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет; Лицо хорошеет от счастья; Не годы старят, а печали; Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше*¹⁵;

2) “они, как правило, с точки зрения логической, выражаются в форме общего суждения, то есть такого суждения, субъект которого – понятие общее, представляющее предмет как целый класс”, напр.: *Страх рождает покорность; Красивые всегда смелы; Девичья коса – девичья краса* (см. Гаврин 1971, 6–8).

В зависимости от этого предлагается “очень простой и практически удобный прием ограничения афоризмов”, когда “в состав подлежащего афористической фразы можно подставить без ущерба для смысла слова “любой” или “всякий”, а в состав сказуемого – слова “всегда” или “обычно”, ср. *Рыбак рыбака видит издалека – Любой рыбак рыбака обычно видит издалека; Пьяному море по колено – Пьяному всякое море обычно по колено; Лиса сытей волка будет – Любая лиса всегда сытей волка будет*. В случаях же, когда фраза по своей синтаксической структуре является односоставным предложением, “для удобства проверки” ее “следует перестроить в двусоставное без нарушения смысла”, напр.: *Цыплят по осени считают* ср. *Любые люди обычно цыплят по осени считают*. При этом Гаврин 1971, 8 отмечает, что только “одновременная подстановка слов-индикаторов в состав подлежащего и в состав сказуемого является надежным показателем афористического содержания фразы”.

Такой способ (критерий) выделения в кругу устойчивых фраз изречений с обобщенным значением (resp. собственно афористического

материала языка vs. речи) получил довольно широкое признание (ср., например, Левин 1984, 121–122). Вместе с тем, несмотря на всю свою простоту, удобство и “очевидность” он имеет один весьма существенный недостаток, все же не позволяющий считать предложенный способ универсальным (т.е. столь же репрезентативным и в отношении непрецедентных фраз). Этот изъян состоит в том, что сама по себе возможность подстановки лексических маркеров квантора общности (“одно-временно” в отношении субъекта и предиката высказывания) в тех случаях, когда объем суждения не эксплицирован специальными словами, лишь квалифицирует последнее как общее, никак вместе с тем не репрезентируя объем самого обобщения, который, в свою очередь, детерминируется квантитативными параметрами класса обобщаемых объектов.

Это означает, что формально интерполяция указанных кванторных слов возможна и в высказывание, субъектом и/или предикатом которого является класс не только с принципиально ограниченным числом предметов (ср. *Все аспиранты профессора N обычно пропагандируют его научные взгляды* или *Образование любых лабиализованных гласных всегда происходит при округлении или вытягивании губ*), но и со строго определенным их количеством (ср. *Все ее дети обычно готовы мне помочь* или *Любые металлы всегда обладают электропроводностью*). Однако такого рода высказывания не являются афористическими, поскольку обобщение в них носит не всеобщий, а лишь регистрирующий характер, т.е. относится к категории частных законов для некоторого строгого количества установленных объектов действительности.

Возникновение в конце 60 – начале 70-х гг. на волне широкого применения структурных методов в филологических исследованиях так называемой “структурной паремиологии”, основоположником которой в русистике можно по праву считать одного из крупнейших фольклористов нашего времени Г.Л.Пермякова (1919–1983), оказало огромное, заслуженно признанное, хотя и, думается, не оцененное пока еще в полной мере, влияние на развитие не только собственно фольклорной афористики¹⁶, но и лингвистических взглядов на афоризм.

Как известно, Г.Л.Пермякову принадлежит в области изучения малых жанров фольклора целый ряд основополагающих открытий и разработок, из которых наиболее значимой в лингвистическом отношении, безусловно, является так называемая “общая теория клише”, в своем самом полном виде изложенная в *Permiakov 1979* (первое, русское издание *Пермяков 1970*). В рамках этой теории была предпринята

попытка создания единых методологических и метаязыковых основ для описания всех прецедентных текстов независимо от их структуры (от фраземы до нарративного текста). В этом смысле теория клише сравнивалась *Рождественским* 1970 с глоссематикой, хотя и во многом отличается от нее, в том числе и в общелингвистическом отношении. Вместе с тем, теория клише содержит ряд положений, которые можно считать уже аксиоматическими в современном понимании языковой (resp. системной) природы воспроизводимых в речи афоризмов.

Последнее касается прежде всего экспликации понимания паремий как сложного объекта действительности, требующего, как уже говорилось, не только методологически, но и эпистемологически различных подходов к своему изучению, и четкого разграничения на этом основании пословиц и поговорок как объектов лингвистики, паремиологии и иных дисциплин (см. *Пермяков* 1970, 8).

Не менее основополагающим для развития лингвистического осмысления афоризма и вообще адекватного представления о системе единиц языка является и известный тезис *Пермякова* 1975, 250 об изоморфности паремий по своим основным семантическим, структурным и функциональным признакам словам и фразеологизмам, который безусловно стоит еще раз привести здесь целиком: “Сопоставляя слова, фразеологические обороты и паремии по существенным языковым параметрам, нетрудно убедиться, что все они в значительной мере изоморфны друг другу. Как первые, так и вторые, и третьи представляют собой клише и используются в качестве знаков. И слова, и фразеологические обороты, и паремии могут обладать (или не обладать) мотивировкой своего общего значения, причем эта мотивировка может быть как прямой, так и образной. Внутри указанных трех типов клише встречаются как синтетические, так и аналитические формы. Слова, фразеологические обороты и паремии в равной мере могут иметь омонимы, синонимы и антонимы. Все названным типами клише обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли. И, наконец, все три наших типа клише, т.е. слова, фразеологические обороты и паремии включены в систему синтагматико-парадигматических отношений языка, т.е. не только способны занимать то или иное место в линейном речевом ряду, но и обладают той или иной парадигмой, или определенным набором родственных форм для каждого данного места. В частности, для паремий помимо изменений по временам, лицам и числам, свойственным большинству незамкнутых клише, характерны логико-семиотическая парадигматика (система логической трансформации) и парадигматика

реалий”.

Безусловно, многие из указанных аналогий являются очевидными (как, например, мотивированность значений пословиц и поговорок, их синонимия и антонимия), многие отмечались в различных исследованиях и ранее, однако, только будучи сведены воедино, они позволили представить паремии в качестве действительного материала именно языка, а не только речи, как полноправное системно-структурное образование в кругу “языковых клише”.

Вместе с тем, само понятие афоризма в терминах структурной паремииологии обычно либо вообще не эксплицируется, либо совершенно неоправданно сужается, например, только до одной из разновидностей “пословиц (изречений, имеющих форму замкнутых предложений)” – так называемых “народных афоризмов”, под которыми *Пермяковым* 1975, 251–252 понимаются клише с прямой мотивировкой общего значения (изречения прямого смысла, допускающие, однако, расширительное толкование), наряду с “собственно пословицами” – клише с образной мотивировкой общего значения (изречениями переносного смысла, требующими расширительного толкования) и “нечленимыми сентенциями” – клише, не обладающими мотивировкой общего значения (изречениями, смысл которых ни прямо, ни через образ не вытекает из смысла их компонентов, но определяется контекстом, из которого данные изречения первоначально взяты и о котором они напоминают).

Такую интерпретацию понятия афоризма, однако, трудно назвать действительно “паремииологической”, поскольку оно, замещая известные в фольклористике (по крайней мере, восточнославянской) еще с XIX века понятия “пословичное изречение” (по терминологии *Далы* [1861–1862] 1984, 1, 14) и “безобразная пословица” (по терминологии *Потебни* [1982] 1990, 102), не только совершенно очевидно проигрывает им и в метаязыковой, и в категориальной репрезентативности устойчивых фраз фольклорного происхождения с прямой мотивировкой общего значения, но и в определенном смысле нерелевантна по отношению как к традиционному пониманию афоризма (resp. изречения, выражающего в с я к у ю обобщенную законченную мысль), так и к его широко распространенному осмыслению в качестве жанровой формы (в том числе и фольклорных текстов). Сам по себе “афоризм”, безусловно, может иметь переносное общее значение (resp. переосмыслиться в речи), а атрибутив “народный” не является, да и не может являться, благодаря своему предназначению означать только генетическую и/или функциональную принадлежность, выражением категориального ограничения семантики афоризма.

Нельзя не упомянуть также и о пионерских разработках в рамках

структурной паремиологии экспериментальных методов изучения современного состояния, количественного и качественного состава и других лингвистически значимых характеристик корпуса паремиологических единиц языка. Речь идет о знаменитом “паремиологическом эксперименте” Г.Л.Пермякова, ставшим впоследствии основанием (прежде всего в рамках лингвострановедческой теории афоризма) для определения состава афористических единиц не только русского языка, но и языка вообще (ср. *Верещагин, Костомаров* 1990, 73). Главной целью этого эксперимента¹⁷ было выявить так называемый “паремиологический фонд” (корпус наиболее употребимых паремий) и “паремиологический минимум” русского языка – минимальный состав пословиц, поговорок и других устойчивых изречений, известных всем носителям русского языка, – объем которого в итоге не превысил 500 единиц (см. *Пермяков* 1988, 154–166).

В связи с определением понятия паремиологического минимума естественно возникает вопрос о соотношении последнего как со всем корпусом паремиологических единиц, так и с “основным паремиологическим фондом”, понятие которого, в свою очередь, требует специального определения. Согласно *Пермякову* 1988, “в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций”. И далее, “паремиологический минимум какого-либо языка (народа) – это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т.е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще” (*Пермяков* 1988, 212–213).

Столь смелую универсализацию качеств “паремиологического минимума” Г.Л.Пермяков не успел, к сожалению, подкрепить соответствующими эмпирическими данными, что, однако, не лишило бы ее некоторых очевидных и весьма существенных противоречий. В частности, “паремиологический минимум” может и не отражать все возможные структурные и семантические типы афоризмов в каждом из данных языков, поскольку в существующем своем понимании качественно ограничен только новейшим языковым материалом и во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (социальными

катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм и т.п.). По этим же причинам “паремиологический минимум” не должен, вопреки мнению Г.Л.Пермякова, совпадать по своему составу с “основным паремиологическим фондом” языка (resp. объективно не может “иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”).

Категориальным признаком единиц “основного паремиологического фонда” следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной паремии в состав “основного паремиологического фонда” будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках. При этом, однако, неизбежно возникновение, по крайней мере, двух весьма серьезных проблем, первая из которых связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века), а вторая – с наличием большого числа структурных модификаций одной и той же паремии в разные исторические периоды развития языка. Отсутствие фиксации той или иной паремии в наше время может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц данного языка в его современном состоянии.

В этом смысле “основной паремиологический фонд” языка удобно представлять в виде полевой структуры, имеющим в диахронической перспективе свое ядро, свою периферию и свой маргинез. Основными источниками фактического материала в определении ядра основного паремиологического фонда данного языка могут быть только те паремиологические источники, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории. Структурные же модификации одной и той афористической паремии следует квалифицировать как ее своего рода диахроническую парадигму, детерминированную неизменностью плана содержания данного афоризма на всем протяжении исторического развития языка. При этом внешняя форма афоризма, разумеется, может изменяться, но лишь несущественно, не достигая того предела, когда нарушается соотношение его плана выражения и плана содержания (как в диахронии, так и в синхронии).

Основные идеи лингвистического осмысления афоризма в рамках структурной паремиологии не только оказали, как уже говорилось, поистине огромное влияние на формирование современных представлений о его языковой сущности (в том числе и unprecedentedных афоризмов), но и были прямо либо косвенно эксплицированы в качестве базо-

вых положений всех последующих лингвистических интерпретаций афоризма, в том числе и такой наиболее, пожалуй, авторитетной из них, как лингвострановедческая теория афоризма¹⁸.

Понимание корпуса устойчивых афористических фраз как особой подсистемы языка, а афористики как самостоятельной области знаний о языке со своими специфическими единицами, впервые в лингвистике было эксплицировано при лингвострановедческом описании русского языка *Верещагиным* и *Костомаровым* 1976 и [1983] 1990 (см. также диссертацию *Прохорова* 1977 и др.).

В качестве объекта лингвострановедения (а это означает по умолчанию – и вообще лингвистики) квалифицируется корпус только так называемых “языковых афоризмов”, под которыми, в свою очередь, понимаются “изречения (обычно в форме фразы), выражающие какую-либо обобщенную мысль” (*Костомаров, Верещагин* [1980] 1988, 5), – прежде всего все без исключения общеизвестные пословицы, поговорки и крылатые слова. Совокупность последних составляет в языке свою собственную подсистему, которая интерпретируется в терминах лингвострановедения как особый – так называемый “афористический” – уровень в системно-уровневой иерархии номинативных единиц языка (см. *Верещагин, Костомаров* 1990, 72–74).

Подобное (resp. собственно “лингвострановедческое”) понимание афоризма уже успело достаточно широко утвердиться в русистике (в том числе и в зарубежной, ср., например, *Ласорса-Сьедина* 1992), хотя и не является полностью бесспорным ни в рамках общей теории и практики самого же лингвострановедения, ни с общелингвистической точки зрения (ср. *Иванов* 1992б, *Иванова, Иваноў* 1997, *Иваноў* 1998б). Последнее естественно требует известной критической оценки лингвострановедческой теории афоризма, и прежде всего таких вопросов, как принципы дифференциации фразеологических и афористических единиц, выделение “афористического” уровня языка, а также категориальное разграничение афористического материала языка vs. речи на “языковые” и “речевые” афоризмы.

Дифференциальным признаком “языковых” афоризмов, который лежит в основании их противопоставления всем другим афористическим фразам, является регулярная воспроизводимость. Последние в отличие от первых не воспроизводятся в речи, а создаются в ней каждый раз заново, – это так называемые “речевые афоризмы” (по терминологии *Костомарова* и *Верещагина* [1980] 1988). Кроме этого, “языковые” и “речевые” афоризмы, как это принято в терминах лин-

гвострановедения, различаются, соответственно, массовым и индивидуальным характером своего функционирования. “Речевых” афоризмов бесчисленное множество, они спонтанно создаются в речи или воспроизводятся в пределах идиолекта. “Языковые” же афоризмы, как предполагается, известны всем носителям языка, и их общее количество (для каждого данного идиома) можно более или менее точно определить (в русском языке, по подсчетам *Пермякова* 1971, 1982 и 1988, 43–169, насчитывается от 500 до 1500 единиц, которые составляют, как уже говорилось, его так называемый “паремиологический минимум”).

Тем самым, несмотря на то, что именно при лингвострановедческой интерпретации русского языка впервые в лингвистике было эксплицировано понятие афоризма как особой языковой единицы соответствующего уровня языковой системы, само понимание афоризма как лингвистического объекта было неоправданно сужено *Верещагиным* и *Костомаровым* 1990, 73 не только до устойчивых в речи фраз, но и до того относительно небольшого количества единиц (упомянутого выше “паремиологического минимума”), которые известны “в с е м носителям языка” и “активно употребляются в речи, получая тем самым право называться элементами общенародного языка”. “Речевые” же афоризмы по причине ярко индивидуализированного характера своих функциональных и структурных свойств традиционно вообще не рассматриваются в терминах лингвострановедения не только на уровне их употребления в литературных текстах, но и даже в качестве последних, хотя лингвострановедческий анализ художественных и публицистических произведений является одним из основных аспектов изучения и преподавания любого литературного языка как иностранного.

Показательно в связи с последним, что за пределами лингвострановедения само разграничение афоризмов на “индивидуальные” и “не индивидуальные” (resp. “речевые” и “языковые”) часто оспаривается, особенно при их изучении в языке художественной литературы, причем нередко как очевидно неудачное. В частности, в терминах поэтики, где афоризм как художественное произведение либо как интертекст не может рассматриваться вне связи со своим автором, понятие “индивидуальный афоризм” вообще может восприниматься (например, *Федоренко* и *Сокольской* 1990, 102) как противоречащее здравому смыслу.

Если даже абстрагироваться от специфики определения объекта поэтики (как и объекта любой другой филологической дисциплины или поддисциплины), то оппозиция “не индивидуальные” vs. “индивидуальные” афоризмы действительно является противоречивой прежде всего по отношению именно к оппозиции “языковые” vs. “речевые” афоризмы, поскольку в состав первых входят крылатые выражения.

Категориальной же спецификой последних является возможность массово воспроизводиться в речи наравне с другими языковыми единицами (что, по известному определению *Смирницкого* 1954, 21, “принципиально не имеют авторства”), однако без утраты ассоциативной связи со своим автором (и/или авторским источником своего происхождения), которая, в свою очередь, выступает одним из собственно лингвистических факторов воспроизводимости и устойчивости крылатых слов (ср. *Райхштейн* 1972, 84).

Если же рассматривать противопоставление “не индивидуальные vs. индивидуальные” афоризмы в функциональном аспекте (resp. по их “массовому” vs. “индивидуальному” характеру употребления), то и в этом случае оно противоречит соответствующей оппозиции “языковые” vs. “речевые” афоризмы в смысле глобальной антиномии язык vs. речь, потому что основывается только на количественных отношениях (ограниченное vs. неограниченное количество единиц известных vs. неизвестных всем носителям конкретного языка), а не репрезентирует оппозицию социальное vs. индивидуальное как один из важнейших параметров сопоставления и дифференциации языка и речи.

Однако наибольшие, пожалуй, сомнения в этой связи вызывает стремление *Костомарова* и *Верещагина* [1980] 1988, 6 ограничить объем афористического состава русского языка (как и языка вообще) только тем, как уже говорилось, “малым числом пословиц и крылатых слов (по подсчетам Г.Л.Пермякова, примерно 800–1500 единиц)”, которые “всем известны и всеми употребляются в речи”, получая тем самым, “право называться элементами общенародного языка”, в противоположность единицам, которые “не выходят за пределы местного бытования, или даже остаются достоянием отдельных лиц”, и поэтому квалифицируются как “не более чем фольклорный и литературный материал” (*Верещагин, Костомаров* 1990, 73).

Совершенно очевидно, что в данном случае, во-первых, допущено эпистемологически некорректное разграничение объектов изучения лингвистики, фольклористики, теории и истории литературы, поскольку безусловно все пословицы и поговорки безотносительно степени их известности и распространенности являются предметом фольклористики (а точнее специального ее раздела – паремиологии), а все без исключения крылатые выражения принадлежат литературе и могут рассматриваться в терминах поэтики. В то же время нельзя отказывать в принадлежности к элементам общенародного языка пословицам и поговоркам “местного бытования” точно так же, как никому не придет в голову отказывать в принадлежности к языку диалектной лексике и фразеологии только на том основании, что они “не выходят за преде-

лы” употребления в той или иной местности и неизвестны всем носителям языка.

Во-вторых, в признании “элементами общенародного языка” исключительно общеупотребимых афоризмов само понятие “общенародный язык” оказывается суженным только до литературной формы его существования, поскольку быть известными “всем носителям языка” могут только элементы именно литературного языка в силу его общезначимости как одного из своих дифференциальных признаков¹⁹. К формам же существования общенародного языка, как известно, помимо кодифицированного и некодифицированного вариантов литературного языка (госр. функциональных стилей и устной разговорной речи), относятся также его территориальные и индивидуальные разновидности (госр. диалект и идиолект). Поэтому нет никаких оснований не рассматривать диалектную и идиолектную афористику в отрыве от общенародного языка и, тем более, за пределами лингвистики.

Определенные возражения в этом смысле можно ожидать только в отношении так называемых “индивидуально-речевых афоризмов” (госр. свободно производимых в речи афористических фраз), которые традиционно относят к объектам литературоведческого анализа, а в терминах лингвистики рассматривают, как правило, с точки зрения их семантической, грамматической и стилистической структуры как наличных текстов и/или как элементов литературных (преимущественно художественных) текстов. Правильнее, однако, было бы противопоставлять “индивидуально-речевые” (или же просто “речевые”) vs. “общезыковые” (или же просто “языковые”) афоризмы не только (и не сколько) как творимые vs. воспроизводимые в речи афористические фразы, но и прежде всего как соответствующие элементы оппозиции окказиональное vs. узуальное в общенародном языке. Это позволит описывать их, в свою очередь, не только как речевые произведения, обособленные от системы языка, но и как единицы речи, правила порождения и функционирования которых в принципе тождественны правилам порождения и функционирования афористических единиц языка, т.е. как собственно системные образования (см. *Иванов 1993б и 1994*).

И, наконец, в-третьих, помимо упомянутого сужения понятия “общенародный язык” только до его литературной формы существования, вообще проигнорированной осталась такая существенная разновидность общенародного языка, как его социальные диалекты (разнообразные сленги, жаргоны, аргот и т.п.), в составе которых устойчивые фразы (в том числе и афористические) занимают обычно весьма заметное место (ср., например, *Рожанский 1992, Поговорки 1992, Белянин, Бутенко 1994, Макловски, Кляйн, Щуплов 1997 и 1999 и т.д.*).

Таким образом, объем “языковой” афористики был определен в терминах лингвострановедения только для потребностей самого лингвострановедения как прежде всего специфической лингводидактической дисциплины (resp. ограничен только тем количественным минимумом языковых единиц, который необходим для практического знания русского языка как иностранного). Понимание же объема языковой афористики как некоторого категориального множества единиц языка безусловно шире и должно определяться (как и во фразеологии, и в лексической системе языка) прежде всего качественными параметрами субстанциональных, функциональных и внутривидовых проявлений всей языковой системы.

Наиболее же значимым, пожалуй, моментом в лингвострановедческой теории афоризма *Верещагина* и *Костомарова* [1983] 1990 является выделение в иерархии номинативных единиц языка так называемого “афористического уровня”, сама по себе реальность которого в языковой структуре обычно обосновывается следующим образом.

Прежде всего, поговорки и пословицы по условиям своего бытования в языке не похожи на фольклор, они никогда не “исполняются”, а “существуют в языке и функционируют в нем” как единицы, “свойственные языку вообще” (что впервые было теоретически эксплицировано еще на заре развития фразеологии *Оссовецким* 1952, 98, на известные слова которого обычно и ссылаются в качестве аргумента). Принадлежность к языку крылатых фраз определяется, исходя из массового характера их воспроизведения, когда они не декламируются как произведения “художественного слова” (литературы), а функционируют как явления языка — в целях “коммуникативно-прагматического использования слова” (*Верещагин, Костомаров* 1990, 72–73).

Не случайно в связи с последним, что именно в рамках лингвострановедения впервые в лингвистике пословицы, поговорки и крылатые слова были осмыслены как единицы номинативного плана языка, т.е. как целостные языковые знаки. До этого пословицы, поговорки и крылатые слова или рассматривались в качестве только коммуникативных единиц языка наравне со свободными по своей структуре высказываниями (resp. как наличные прецедентные тексты или устойчивые в речи фразы неноминативного характера), или вообще не анализировались в терминах лингвистики как знаки не собственно языковой природы²⁰.

Во-вторых, пословицы, поговорки и крылатые выражения как языковые единицы характеризуются спецификой в номинативном и в формальном планах, чем отличаются от всех других устойчивых в речи словесных комплексов — собственно “фразеологизмов”. В этом случае особенное значение приобретает не только само по себе определение

пословиц, поговорок и крылатых слов как специфических языковых единиц – “языковых” афоризмов, но и точное определение критериев их разграничения с фразеологизмами как единиц разных уровней языка. При этом абсолютно неважен вопрос о правомерности выделения такого уровня языка, как “фразеологический”, так как от того или иного его разрешения никак не зависит наличие существенной разницы между фразеологизмами и устойчивыми в речи афористическими фразами).

Принципиальное отличие “языковых афоризмов” от фразеологизмов при выделении “афористического уровня языка” определяется в лингвострановедении, исходя, в первую очередь, только из противопоставления их семантики (каждого по отдельности) семантике слова, а во-вторых, из гетерогенности синтаксических форм ее выражения для каждого из них. Однако на основании аналогичных критериев в рамках собственно фразеологии традиционно определяется так называемое “узкое” и “широкое” понимание ее объема, поэтому названные отличия “языковых афоризмов” от фразеологизмов не приобретают в этом случае декларированного “уровневого характера”²¹.

Выделение, таким образом, пословиц, поговорок и крылатых слов из корпуса фразеологических (в широком смысле) единиц в качестве “языковых афоризмов” и определение особого места последних в системно-уровневой иерархии высших (higher units) единиц языка теоретически не пошло, по существу, далее решения утилитарных интересов лингвострановедческой (resp. лингводидактической) интерпретации языка – с одной стороны, еще раз в практических целях “упорядочить” само понимание объема фразеологии, а с другого, терминологически и системно “объединить” за ее пределами пословицы, поговорки и крылатые слова (безотносительно их возможных семантических и структурных различий) в одну лингвистическую категорию – “языковые афоризмы”, или просто “афоризмы” (ср. *Верещагин, Костомаров 1990, 74*).

Такое объединение всех без исключения (если абстрагироваться от степени их “общеизвестности”) пословиц, поговорок и крылатых слов в одну лингвистическую категорию “афоризмы” выглядит весьма поверхностным, поскольку, как замечает *Прохоров 1979*, основывается более на обиходном осмыслении понятия афоризма как всякого общеизвестного “короткого обобщенного высказывания” без учета как структурно-семантического характера самого обобщения, так и особенностей его формально-языкового выражения. Вместе с тем очевидно, что далеко не каждое устойчивое сочетание слов, которое способно, по меткому определению *Потебни [1892] 1990, 100*, обозначать в речи “массу мысли”, является именно афоризмом в его традиционном

понимании (гесп. как всякого краткого высказывания, в котором выражается какая-либо обобщенная законченная мысль). Ср., например, выражения *Без меня меня женили* (поговорка) или *Мы пахали* (Дмитриев) и изречения *Жизнь прожить – не поле перейти* (поговорка) или *Счастливые часов не наблюдают* (Грибоедов).

Категориальная неопределенность в терминах лингвострановедения самого феномена “афористичности” как универсального специфического признака языковых единиц отдельного, нефразеологического уровня системно-иерархической организации языка не позволило ни описать афоризм в терминах соответствующего плана (“афористического” уровня языковой структуризации), ни однозначно категориально дифференцировать афористику и фразеологию (как совокупности соответствующих единиц) в системе языка. Все это, в частности, ярко отразилось на практике при создании *Фелицыной и Прохоровым* [1980] 1988 первого в своем роде лингвострановедческого словаря русских “языковых” афоризмов (ср. *Иванов* 1992б).

В середине 70-х гг. в связи с успехами лингвистики в изучении семантики высказывания появились и попытки рассмотрения афоризма как структурной разновидности (наряду с “сентенциями”, “максимами”, “поговорками” и т.д.) такого функционально-семантического типа высказываний по способу отражения действительности, в которых не сообщается о тех или иных конкретизированных фактах, а содержится какое-то отвлеченное суждение (так называемых *Гавриловой* 1986 “универсальных высказываний”). Следует, однако, сразу заметить, что описание афоризма в рамках функционально-семантической типологии высказывания эпистемологически не пошло далее выявления некоторых общих семантических и структурных признаков афоризма со сходными по характеру обобщения клишированными и неклишированными высказываниями, противопоставляемыми всем иным, “не универсальным” высказываниям только в функционально-семантическом отношении.

Как известно, в терминах функционального подхода к определению высказывания (см. *Гак* 1973, а также 1990), последнее обычно интерпретируется как “речевая единица”, которая может совпадать по своему “объему” с предложением (как ее языковым репрезентантом – структурной моделью ее синтаксической организации), но рассматривается в непосредственном отношении к экстралингвистической ситуации.

В связи с этим возникает весьма важная проблема соответствующей квалификации и описания семантической структуры, условий порождения и лексико-грамматической организации таких высказываний, которые не содержат никакой определенной конкретной информации (безотносительно их смысловой зависимости от контекста или ситуации речевого акта) и соотносятся с внеязыковой действительностью не прямо, а только опосредованно, сквозь призму ее соответствующих когнитивных коррелятов – представлений о целых классах тех или иных ситуаций. В таких высказываниях действительность выражается, как это обычно принято считать, “обобщенно”, в “обобщенном виде”. Ср., например, *Педагог обязан быть терпеливым, Любовь – высокое чувство, Магнетизм – свойство металлов, Один раз в год сады цветут* (строка из некогда популярной советской песни), *Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком* (Ильф, “Из записных книжек разных лет”), *Плетью обуха не перешибешь* (пословица), *Начальство надо знать в лицо* (крылатый афоризм из к/ф “Дайте жалобную книгу”), *Перед законом все равны* и т.п.

Следует заметить, что изучение высказываний такого рода как специфического продукта речемыслительной деятельности и как специфических по своей структуре и способам функционирования единиц языка vs. речи несмотря на очевидное своеобразие их семантики (и соответствующих языковых средств ее выражения) находится на периферии разноаспектных исследований семантической и грамматической организации высказывания. Высказывания обобщенной семантики (resp. афористические) не рассматриваются подавляющим большинством языковедов даже в качестве отдельного лингвистического объекта (не говоря уже, как особая лингвистическая категория)²². Весьма показательным при этом, особенно в связи с последним, что сама проблема квалификации и описания обобщенных (resp. “не ситуативных”, если можно так выразиться) высказываний как лингвистической категории не только не растворилась в своих фрагментарных и концептуально не определенных интерпретациях, но еще до конца 80-х гг. было достаточно однозначно эксплицирована в ряде исследований и в первом приближении рассмотрена именно в терминах функциональной теории высказывания.

Основным теоретическим положением данного подхода (который можно квалифицировать как функционально-семантический) является определение афоризма как специфического по своей семантической организации типа высказывания (хотя и не в полном его объеме). В этом смысле *Гаврилова* 1986 под “афоризмами” понимает одну из раз-

новидностей (наряду с “максимами”, “сентенциями”, “пословицами” и т.д.) так называемых “универсальных” высказываний, которые противопоставляются по свойственной им семантике обобщения (resp. способности означать целый класс определенных отношений между реалиями) так называемым “конкретизированным (фактологическим)” высказываниям, в которых сообщается только о конкретных, единичных событиях и фактах действительности.

Антиномия высказываний “универсальных” (в том числе и афоризмов) и “конкретизированных (фактологических)” имеет, как утверждается, ярко выраженную семантическую природу, но вместе с тем рассматривается Гавриловой 1986 как не менее глобальное противопоставление в языке, чем, например, оппозиция утвердительные vs. отрицательные высказывания.

Семантика “универсальности” высказывания при этом определяется обычно исходя из нескольких, во многом сходных точек зрения. Согласно одной из них, “семантику того типа высказываний, которые названы здесь универсальными, характеризуют отсутствие непосредственной связи с реальностью и переход в область “чистой идеи”, входящие в такое высказывание имена нереферентны (они не указывают на конкретные предметы действительности, а выражают лишь само понятие об этом предмете). Ср. весьма удачный по своей показательности пример Гавриловой 1986, 56: *Книга лежит на столе* (вот эта, конкретная книга – референция) и *Книга учит нас жить* (любая книга, книга вообще, книга так таковая – генерализация). Абстрактность любой из фраз последнего типа “поддерживается формой настоящего времени (абсолютный презент) глагола-сказуемого или эквивалентными временными формами. Характерной чертой высказываний такого рода может также служить один из кванторов всеобщности (выраженный эксплицитно либо имплицитно): *каждый, любой, все, всегда* и т.д.”²³.

Вместе с тем Гаврилова 1986 совершенно справедливо отмечает, что “средства языкового воплощения высказываний такого рода не всегда могут служить надежным признаком их идентификации”. Наличие атемпорального синтаксического значения времени в предложении никак не соотносится со способами выражения последнего, которое “может быть оформлено всеми известными типами традиционно выделяемых простых и сложных предложений”. В качестве же единственного надежного способа идентификации универсальных высказываний среди “всех, которыми располагает живая речь”, декларируется функциональный подход к синтаксической семантике, позволяющий выявить “семантическую сущность этого типа высказываний – генерализацию, универсализм” (Гаврилова 1986, 56, 62).

Понятие афористичности в этой связи, как правило, не рассматривается, а афоризм, как уже говорилось, квалифицируется в качестве только одного из типов универсальных высказываний, понимаемого либо как разновидность так называемых “изречений” (наряду с “сентенцией”, “максимой” и “половицей”), либо как один из видов “микротекстов (паремий)” (наряду с “сентенцией”, “трюизмом”, “половицей”, “крылатым выражением”, “максимой”), которые “являются подтипами универсального высказывания, но, тем не менее, совпадают с ним не в полном объеме”, так как “для любого из них найдутся случаи, когда высказывание не несет в себе обобщающую мысль, не выражает отвлеченной идеи, не является универсалией”, ср.: *Я могу обещать быть искренним, но не беспристрастным* (Гете); *А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой* (Лермонтов). Соответственно, неоднозначна и трактовка дифференциальных признаков афоризма, который характеризуют “лаконизм, способность передать глубокое жизненное наблюдение в яркой, отточенной форме”, а также “оригинальность, необычность и даже парадоксальность самого суждения” и “образность” (Гаврилова 1986, 57–58, 60).

Нетрудно заметить, что в таком случае ни сами признаки выделения афоризма (как, впрочем, и других перечисленных разновидностей универсальных высказываний), ни вообще его осмысление как языкового феномена не носят собственно лингвистического характера, а экстраполированы преимущественно из существующей литературоведческой интерпретации афоризма (ср. Успенский 1964, Федоренко, Сокольская 1990, 4, 7–10, 172, 181–187).

Понятие афоризма (и афористичности) безусловно, не следует соотносить с каким-то особым типом универсального высказывания, которое на этом основании существенно противопоставляется, с одной стороны, “сентенциям”, “максимам”, “трюизмам” и другим разновидностям “изречений”, а с другой, “поговоркам”, “поговоркам”, “крылатым выражениям” и иным типам устойчивых фраз. Все они могут быть по своей семантической структуре либо афористическими (resp. отражать действительность в абстрактно-обобщенном плане), либо не афористическими (resp. отражать действительность в конкретно-событийном плане).

Для афористических “изречений”, “поговорок”, “поговорок”, “крылатых слов” и т.д. понятие афоризма более правильно будет определять не как родовое (что обычно принято и широко распространено в обиходной и научной практике), а как категориальное, поскольку оно квалифицирует не только определенный класс высказываний на основании наличия у них общего признака (resp. качества афористичности),

но и позволяет противопоставить их по этому признаку всем остальным высказываниям (не афоризмам).

Вообще же для всех (и афористических, и неафористических) “изречений”, “поговорок”, “крылатых слов” и т.д. понятие афоризма можно рассматривать только как классификационное (в смысле их разграничения на “афоризмы” vs. “не афоризмы”).

При таком понимании афоризма его дифференциальные характеристики ничем принципиально не отличаются от признаков универсального высказывания, объем которого, если абстрагироваться от качества “лаконичности”, традиционно приписываемого афоризму, оказывается тождественным объему последнего. Данное отождествление совершенно очевидно имеет не только метаязыковую значимость, поскольку позволяет наиболее адекватно репрезентировать, во-первых, объем понятия “афоризм”, а во-вторых, его категориальную сущность как лингвистического феномена.

Появление во второй половине XX века оригинальных интерпретаций языковой природы афоризма в терминах фразеологии и особенно структурной паремииологии и лингвострановедения мощно стимулировали и в определенной мере углубили исследования афоризма и как речевого произведения (преимущественно в языке художественной литературы), причем в терминах не только лингвистики, но, как это ни парадоксально, и литературоведения²⁴.

Вместе с тем, несмотря на выделение афоризма в качестве объекта лингвистики само понятие афоризма далеко не всегда эксплицируется при изучении свободных и особенно устойчивых в речи фраз (прежде всего из числа поговорок, поговорок и крылатых выражений) с семантикой вневременного обобщения действительности. Это объясняется, как уже говорилось, отсутствием более или менее общепринятого определения самого понятия афоризма (несмотря на отдельные попытки объективизировать его понимание как лингвистического феномена, ср. Прохоров 1979) и, самое главное, теоретической неразработанностью представлений о его языковой сущности. Подавляющее большинство исследований языковой природы афоризма не выходит за пределы изучения его каких-либо частных свойств, причем преимущественно только на материале фактов отдельных функциональных и/или структурных проявлений языковой системы.

Тем не менее, имплицитно афоризм исследуется как в рамках частной языковедческой проблематики, так и с общелингвистических позиций достаточно широко. Фразы с семантикой вневременного

обобщения действительности (либо же те или иные особенности их семантики, структуры, функционирования и т.д.) обычно рассматриваются при изучении разных аспектов плана содержания и плана выражения крылатых выражений, пословиц, поговорок (и иных разновидностей клишированных фраз) как единиц языка vs. речи и как наличных прецедентных текстов, а также семантики слова и высказывания, синтаксических моделей предложения, содержательных, структурных и других особенностей художественных идиостилей (при этом понятие афоризма замещается обычно понятиями “максима”, “сентенция”, “гнома”) и т.д.

Таким образом, тенденции развития и специфику современного состояния изучения афоризма как феномена языка vs. речи можно в самом общем виде определить в следующем.

1) Афоризм был эксплицирован как лингвистический объект уже в начале XX века, однако само понятие афоризма сформировалось в лингвистике относительно недавно и еще не является терминологически общепринятым по причине его недостаточной категориальной определенности.

2) Все попытки лингвистической квалификации понятия афоризма и описания его языковых свойств не выходят за пределы частной проблематики тех лингвистических дисциплин, в терминах которых он рассматривается.

3) Имплицитно афоризм весьма широко исследуется в терминах лингвистики, прежде всего в рамках изучения разных аспектов плана содержания и/или плана выражения устойчивых в речи фраз, а также фразовых инноваций в языке художественной литературы и публицистики.

4) Изучение языковой природы афоризма обычно не выделяется в русистике (и вообще в языкознании) в специальную область лингвистических знаний несмотря на то, что в терминах отдельных языковедческих дисциплин афоризм эксплицируется в качестве объекта лингвистики и на метаязыковом, и на эпистемологическом уровнях.

Тематика лингвистического анализа литературной афористики традиционно весьма широка, однако ни в своей совокупности, ни с точки зрения определенной частной проблематики, существующие исследования не только не составили более или менее целостного направления в изучении языковой природы афоризма, но и характеризуются значительными эпистемологическими лакунами.

Взгляд на афоризм как специфически структурированное несво-

бодное сочетание слов начал развиваться с середины последнего столетия в связи со становлением фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. В рамках фразеологии те афоризмы, функционирование которых в речи носит характер воспроизводимости и устойчивости (прежде всего из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений) традиционно либо вообще исключают из системы языка как его так называемый “экстралингвистический” феномен (resp. застывшие обороты речи, значение которых, как утверждается во *Фразеологии* 1972, 469, 510, формируется “за пределами внутриязыковых семантических категорий”, а признаки воспроизводимости которых “невозможно объяснить в терминах уровневого моделирования”), либо, наоборот, включают в корпус фразеологических единиц языка как “устойчивые фразы” (по терминологии *Архангельского* 1964), “фразеологические выражения” (по терминологии *Шанского* [1963] 1983) и т.п. Однако наличие очевидной существенной разницы между последними и другими типами устойчивых словесных комплексов даже безотносительно их грамматической структуры (первые, как это обычно принято считать, являются знаками ситуации или определенных отношений между вещами и поэтому эквивалентны предложениям, тогда как вторые передают только одно понятие, т.е. равнозначны словам) вызвало в свое время выделение афоризмов в особую категорию в составе фразеологических единиц языка – “афористическую фразеологию”.

Интерпретация афоризмов как специфического типа фразеологических единиц оказалась естественно несвободна от общего несовершенства описания афористического материала языка vs. речи в терминах фразеологии. Вообще, собственно “фразеологический” анализ афоризмов обнаруживает, как правило, совершенную беспомощность и бесполезность при необходимости толкования категориальных свойств афоризма, и не случайно все основные положения “афористической фразеологии” были так или иначе сформулированы за пределами понятий традиционной фразеологии (хотя и, во многом, с использованием метаязыка последней). В этой связи особую значимость приобретают существующие опыты описания устойчивых афористических фраз уже не в терминах фразеологии.

Лингвострановедческая теория афоризма, несмотря на всю свою оригинальность, оказалась несвободна от сложившихся во фразеологии концептуальных и методологических стереотипов в осмыслении пословиц, поговорок и крылатых слов, что наиболее очевидно проявилось при попытке их уровневого описания. Так, можно констатировать, что еще раз (на это раз в терминах лингвострановедения) произошло уже, к сожалению, ставшее сакраментальным в изучении устойчивых

фраз (и вообще во фразеологии) смешение системно-уровневой организации языковых фактов и определенного аспекта их изучения. Иначе говоря, были смешаны понятия определенной языковой системы и ее единиц и соответствующей области лингвистических знаний. Согласно существующей в лингвострановедении интерпретации “языковой афористики”, она на самом деле выглядит не более чем составной частью фразеологии (в широком понимании последней), а “языковые афоризмы” – только структурной и функциональной разновидностью фразеологизмов в их самом общем понимании.

Обязанная же лингвострановедческой теории афоризма современная тенденция считать все без исключения пословицы, поговорки и крылатые выражения “языковыми афоризмами”, а их корпус – особой подсистемой языка и его специфическим уровнем структуриации, на основании только их внешних отличий как уже “готовых” (герс. “наличных”) единиц от других типов устойчивых словесных комплексов, без опоры на объективные принципы системного и уровневого моделирования явлений языка, по существу, нехотя сделала афоризм заведомым квазиобъектом не только лингвострановедения, он и начавшего самоопределяться соответствующего направления лингвистики – изучения языковой природы афоризма.

Функциональный подход к синтаксической семантике эксплицировал проблему квалификации и описания так называемых обобщенных, или “генерализованных”, “универсальных” (герс. Афористических) высказываний как специфического лингвистического феномена, однако остался весьма далек от ее решения. Вместе с тем нельзя не признать, что сами попытки описания афоризма в рамках функционально-семантической типологии высказывания несмотря на все свои неточности и недостатки позволили вплотную приблизиться к пониманию афоризма, во-первых, как целостного лингвистического объекта (безотносительно прецедентного или непрецедентного характера своего существования), во-вторых, как специфической лингвистической категории, и в-третьих, как прежде всего системно-языкового образования.

Таким образом, лингвистическое осмысление афоризма в последнее время перестало ограничиваться только традиционным исследованием языковых особенностей афоризма как речевого произведения и жанровой разновидности текста, все большее и большее внимание лингвистов уделяется и рассмотрению его знаковой природы в системе языка и специфики ее манифестации в речи. Можно считать, что в афористике как филологической дисциплине постепенно очерчивается еще один системно-научный взгляд на афоризм – лингвистический, ко-

торый имеет все основания развиться в самостоятельную область знаний об афоризмах, которую можно определить как лингвистическую афористику (или лингвоафористику).

Объектом лингвоафористики можно определить афористическое по содержанию и по форме его выражения несвободное сочетание слов (синтаксически эквивалентное предложению), функционирование которого в речи может быть либо массовым (поговорки, крылатые выражения, призывы, девизы, лозунги, общеизвестные общественно-философские формулы и научные формулировки и т.д.), либо индивидуальным (афористические художественные тексты и цитаты-афоризмы, неклишированные афоризмы и т.д.).

Целью лингвоафористики, дисциплины во многом сходной по внутреннему строению с фразеологией, является изучение закономерностей афористической структуризации слов и словесных значений в специфические по своей семантике свободные высказывания и устойчивые фразы и описание на этой основе афористических единиц по их типам в современном состоянии и в историческом развитии, а ее главной задачей – описание и типовая классификация афоризмов как единиц языка.

В связи с этим неизбежно возникает необходимость однотипного определения признаков афористичности при явной генетической, структурной и функциональной неоднотипности афористических фраз, поэтому для лингвоафористики как новой лингвистической дисциплины на начальном этапе ее развития особенно актуальной видится проблема определения эпистемологических (resp. филологических, или экстралингвистических) и категориальных (resp. собственно лингвистических) границ ее объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сам термин *афоризм* известен в русском языке с XVIII века (ср. *афоризм* в *Словаре Академии Российской* 1789) и является заимствованием скорее всего нем. *Aphorismus* или фр. *aporisme* < лат. *aphorism*, которое, в свою очередь, восходит к греч. *ἀφορισμός* – определение < *ἀφορίζω* – отдаляю, ограничиваю, определяю < *ρίζω* – устанавливаю границу, определяю с префиксом удаления, отделения *ἀφ-* (ср. Черных 1994, 1, 60).

² Речь здесь идет, разумеется, прежде всего о тех исследованиях, предметом которых является лингвистическая сущность *афоризма* именно как единицы языка vs. речи. Вместе с тем уже с трудом поддается обзору все более и более возрастающее количество исследований, посвященных разноаспектному изучению пословиц, поговорок и крылатых выражений, где не эксплицируется ни само понятие афоризма, ни специфика его семантики, структуры и способов функционирования. Столь невнимательное отношение лингвистов к афоризму, кстати, вовсе не выделяет русистику среди других национальных ответвлений языкознания. В частности, лишь немногие труды посвящены изучению языковой природы афоризма и в германистике. Ср., например, фундаментальное издание на немецком языке проф. Г. Нойманна "*Der Aphorismus: zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung*" (1976), вышедшее в серии "*Wege der Forschung*" (Bd. 356) и представляющее собой весьма объемную компиляцию статей по афористике, написанных до середины 70-х гг. последнего столетия, в состав которой вошла всего одна работа Grosse [1965] 1976, посвященная лингвистическим свойствам афоризма.

³ Кроме этого, в современной лингвистике все более и более утверждается мысль о том, что "устойчивые выражения-предложения, авторами которых являются конкретные люди (писатели, ученые, деятели культуры и др.), – цитаты, афоризмы, крылатые выражения и т.п." должны изучаться отдельно, для чего и "формируется филологическая дисциплина – афористика" (см. Плотнікаў 1994, 246).

⁴ О внутренней структуре афористики как самостоятельной системы научных знаний см. Иваноў 1994 и 1998а.

⁵ Вместе с тем, здесь не ставится задача осуществить исчерпывающий анализ всех имеющихся в русистике работ, посвященных изучению афоризма как объекта лингвистики (и филологии в целом), прежде всего потому, что это выходит далеко за пределы данного доклада и требует своего специального рассмотрения, первоочередной задачей которого видится более или менее полное библиографическое описание исследований по лингвистике афоризма. Ср. в Neumann 1976 попытку библиографического описания западноевропейской литературной афористики 1850–1970 гг.

⁶ Весьма показательным в этой связи примером является проблема семантико-грамматической квалификации конструкций типа *Мед сладко, а муха падко* или *Ум хорошо*, широко представленных в текстах русских пословиц и

поговорок. Этот вопрос начал разрабатываться еще в XVIII веке и по сей день не нашел в русистике своего однозначного разрешения (ср. *Тарланов* 1988).

⁷ При этом подавляющее большинство исследований посвящено анализу как текстов тех афоризмов, которые являются элементами более широких художественных произведений неафористического характера. Вообще, литературные афоризмы рассматриваются в лингвистике как наличные тексты обычно независимо от того, являются ли они отдельными литературными произведениями либо же функционируют в контексте более широких произведений неафористического характера (басни, драмы, романа и т. д.), точно так же, кстати, как это принято в литературоведении (ср. *КЛЭ* 1962, *Федоренко*, *Сокольская* 1990, 86–87), за исключением только тех афоризмов, смысл которых в той или иной степени контекстуально ограничен (resp. может неадекватно интерпретироваться за пределами авторского употребления афористического высказывания). Последние в терминах поэтики нередко вообще не квалифицируются как “афоризмы”, поскольку, по определению *Эпштейна* 1987, “характеризуют индивидуальность данного действующего лица” (т. е., как это обычно понимается, “не имеют прямой и всеобщий смысл”) и не “совместимые с целостным мировоззрением писателя”. Выражения такого типа не рассматриваются, как правило, и в рамках лингвистического анализа литературной афористики, хотя вне эстетического и/или этически ориентированного осмысления своего содержания (resp. вне его сугубо литературоведческого понимания), безусловно, представляют (прежде всего, по своим семантическим и прагматическим параметрам) не меньший интерес для описания языковой природы афоризма, чем выражения первого типа.

⁸ Одно из наиболее известных научных сочинений афористического жанра в области лингвистики, например, принадлежит *Бодуэну де Куртене* [1903] 1963. Вообще в языкознании второй половины XIX – начала XX века “афоризмами” довольно часто назывались не только отдельные мысли о языке в целом или каких-то его частных проявлениях, но и всякие краткие отрывочные лингвистические заметки неафористического характера (ср., например, *Желтов* 1877).

⁹ Исключением можно считать лишь изучение условий и правил порождения афористических текстов (в том числе и литературных), и в частности, попытку определения *Крейдлиным* 1989 типовых способов и приемов логико-синтаксической деривации тех афоризмов, которые создаются в результате трансформации уже существующих текстов (как прецедентных, так и непрецедентных, как афористического, так и неафористического характера).

Вместе с тем, сама проблема порождения афористических высказываний пока еще остается на периферии психолингвистического направления в генеративной теории языка, хотя абсолютно очевидно, что механизмы порождения высказываний типа *Книга лежит на столе* и *Книга учит нас жить* (примеры *Гавриловой* 1986) должны существенно отличаться уже на уровне семантического программирования речи. Как известно, в рамках нейролингвистики было выявлено, что создание новых высказываний и повторение уже существующих (resp. “ритуализованных”) лежит в сфере разных психофизиологических сис-

тем, которые соотносятся с двумя разными полушариями головного мозга: с левым полушарием связано построение новых (resp. грамматически правильных, но семантически имеющих малое количество ограничений) текстов, тогда как повторение уже существующих (resp. тех, что содержат наименьшую информацию в статистическом смысле) соотносится с правым полушарием. В этой связи не вызывает никаких сомнений тот факт, что уже сами условия порождения непроемных и произвольных афористических высказываний не могут не быть принципиально различными.

¹⁰ Сам термин “народный афоризм” был, по мнению Федоренко и Сокольской 1990, 103, впервые употреблен в собственно филологическом смысле Бабушкиным 1956.

¹¹ Это, кстати, вполне соответствовало традиционному (иначе можно сказать “широкому”) пониманию афоризма, отраженному еще в *Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона* (см. *Афоризмы* 1891), ср. *Фюрстенберг* 1970. В лингвистику такое “широкое” понимание афоризма, эксплицированное уже Рыбниковой 1937, проникло, видимо, независимо от его соответствующей литературоведческой интерпретации (ср. развитие последней в Тимофеев, Венгров 1963, *КЛЭ* 1962, *Гаспаров* 1987).

¹² В последнее время отказ от традиционных фразеологических подходов в описании семантики и структуры паремий стал наиболее очевиден, ср., например, *Николаева* 1995а и 1995б.

¹³ Ср. первый и пока единственный собственно “афористический” словарь русского языка *Фелицыной и Прохорова* [1980] 1988.

¹⁴ Весьма оригинальное для своего времени исследование *Гаврина* 1971, несмотря на всю его “фразеологическую” тенденциозность и ряд характерных для тогдашней лингвистики убеждений, вызывающих сейчас лишь снисходительную улыбку, можно считать одной из основополагающих в русистике работ по лингвистике афоризма (ср. *Прохоров* 1979), хотя изложенные в ней идеи так и не получили своего должного развития, а целый ряд положений, как кажется, еще ждет своей оценки.

¹⁵ Как видно из дальнейших рассуждений *Гаврина* 1971, сами показатели проявления закономерности как факта объективной действительности – “всегда” и “обычно” – никак между собой специально не разграничиваются, хотя более чем очевидно, что закономерности действительности, которые выражаются в языковых афоризмах, весьма неоднородны по своей сущности (опыт типологии семантических типов языковых афоризмов см. в *Иванов* 1997).

¹⁶ Достаточно сказать, что само понятие афоризма в современной фольклористике связывается преимущественно с системой понятий именно структурной паремиологии.

¹⁷ Сам “паремиологический эксперимент” проводился в два этапа. На первом этапе группе информантов было предложено указать неизвестные им выражения из списка 1494 русских паремий, которые можно было бы, по мнению автора эксперимента, отнести к наиболее употребительным в настоящее время. На первом этапе было получено более 300 ответов. В ходе второго этапа эксперимента уже другой группе информантов (около ста человек) было предло-

жено уже 538 изречений, подобранных Г.Л.Пермяковым, около 90 % которых проявили на первом этапе наивысшую степень известности. Однако на этот раз информанты должны были самостоятельно дописать недостающий фрагмент паремии, которая была задана только своей начальной частью (*Обещанного – ...? Сказано – ...? Тише едешь – ...?* и т.п.).

Лингвистическая значимость “паремиологического эксперимента” состоит не столько в том, что с его помощью удалось определить объем наиболее употребимых русских пословиц, поговорок и других устойчивых речений и вообще решить проблему выявления ядерного состава паремиологического фонда того или иного конкретного идиома, сколько в том, что эксперимент дал богатейшие статистические данные и выдвинул множество новых вопросов как в области “социологии пословиц” (подробнее см. Крикман 1995), так и лингвистики афоризма.

Несмотря, однако, на всю свою методологическую оригинальность, поистине гениальную простоту и совершенно уникальную масштабность “паремиологический эксперимент” как, впрочем, и всякий первый опыт оказался несвободен от определенных неточностей и ошибок. Легко заметить, например, что уже сам отбор исходного паремиологического материала для эксперимента носил во многом (если вообще не целиком) субъективный характер, поскольку основным критерием определения объема корпуса исходных паремий выступала языковая компетенция исследователя, а не объективные лингвистические и экстралингвистические факторы (в том числе, что самое главное, и на втором этапе эксперимента даже несмотря на наличие промежуточных результатов, которые были учтены, как уже говорилось, только на 90 %). Кроме этого, место проведения эксперимента было территориально ограничено (только Москвой и Московской областью), а персональный состав информантов не был сбалансирован ни качественно, ни количественно (более 300 участников на первом этапе и только около ста – на втором), что, безусловно, не могло не повлиять на полученные результаты.

Столь серьезные нарушения чистоты и широты эксперимента не позволяют распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка, так как степени общеизвестности и распространенности пословиц и поговорок, входящих в “паремиологический минимум” Г.Л.Пермякова, значима (а) только в рамках языкового материала данного эксперимента, (б) только, как совершенно справедливо заметил Крикман 1995, 340, для “данного региона России” и (в) только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами действительно общеизвестных русских пословиц и поговорок, которым не нашлось места в составе выявленного “паремиологического минимума” русского языка. Ср., например, паремии *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*, *Пар костей не ломит*, *Хороша Маша, да не наша* и т.п. В то же время среди единиц “паремиологического минимума” можно найти ряд весьма сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку пословиц и поговорок типа *<Во всём виноват стрелочник, Из искры – пламя, Нет розы без шипов (или: Розы без шипов не бывает)>* и т.п. (ср. Пермяков 1988, 155, 156, 158).

¹⁸ В рамках лингвострановедения, в частности, уже в самом понимании пословиц, поговорок и крылатых выражений как феноменов именно языка, а не как фольклорных или литературных текстов, помимо ссылок на обычные при исследовании языка фольклора замечания относительно существенной разницы между семиозисом пословичных и непословичных паремий (первые, как это обычно считается, никогда не повторяются только ради самого воспроизведения, не “исполняются”), слишком явно ощущается присутствие одного из основополагающих тезисов структурной паремиологии об автономности каждого их планов тройкой природы пословиц и поговорок как явлений языка, явлений мысли и явлений фольклора. Это же положение, только в еще более явной формулировке, встречается в лингвострановедении и при обосновании отнесения к элементам общенародного языка только общеизвестных афористических фраз, тогда как все остальные афоризмы представляют собой “не более чем фольклорный и литературный материал” (*Верещагин, Костомаров* 1990, 73). Кроме этого, при лингвострановедческой аргументации принадлежности устойчивых афористических фраз к номинативным (гесп. “строевым”) единицам языка был использован и известный тезис “теории клише” *Пермякова* 1970 и 1975 об изоморфности паремий по структуре и способам функционирования словам и фразеологизмам, которые также относятся к “языковым клише”, а при обосновании объема единиц “афористического уровня” языка дана прямая ссылка на данные “паремиологического эксперимента” *Пермякова* 1971 и др. В этой связи можно заметить, что лингвострановедческая теория афоризма со всей присущей ей оригинальностью вообще вряд ли состоялась бы в своем теперешнем виде, не будь соответствующего опыта теоретического осмысления афоризма в терминах структурной паремиологии.

¹⁹ Максимальный объем количественного состава афористических единиц современного русского литературного языка можно оценить от 6000 до 7000 единиц (см. *Иванов* 1992а).

²⁰ Вне лингвистики пословицы и поговорки были осмыслены как изоморфные словам и фразеологизмам собственно языковые знаки (одной из главных функций которых является номинативная) еще ранее, как уже говорилось, в терминах структурной паремиологии *Пермяковым* 1975, 250, соответствующие положения откуда обычно широко цитируются в лингвострановедении (ср. *Костомаров, Верещагин* [1980] 1988, 7, *Верещагин, Костомаров* 1990, 73).

²¹ Ср. аргументацию *Верещагина* и *Костомарова* 1990, 73–74 при обосновании “уровневого” отличия упомянутых единиц со ссылкой на *Фелицыну* 1964, 202: “...не являясь эквивалентом слова, а будучи эквивалентом целого рассказа, описания событий, и представляя собой законченную фразу с прямым значением, пословица не может считаться фразеологизмом в том узком смысле слова [разрядка моя – Е.И.]”.

²² Причиной этого можно определить, во-первых, то, что при рассмотрении высказывания как единицы речи обычно не принимается во внимание возможность различного онтологического статуса отраженного в нем фрагмента действительности, который может соотноситься с ней как актуальная (гесп.

событийная) реальность либо только как виртуальная (resp. ментальная) реальность. В рамках последней мы имеем дело с абстрактными связями между абстрактными предметами, явлениями, процессами и т.д., что в строгом смысле слова, видимо, все же нельзя квалифицировать именно как “ситуации” и, соответственно, как “представления об определенном множестве либо даже классе ситуаций”. В данном случае ситуации как таковой, если понимать под ней в самом широком смысле совокупность каких-то обстоятельств, т.е. некоторое определенное событие, еще или уже (в зависимости, соответственно, от дедуктивного или индуктивного характера обобщения) нет и быть не может, поскольку весьма трудно представить себе как “ситуацию” совокупность каких-то абстрактных обстоятельств. Именно поэтому, в свою очередь, вряд ли можно признать удачной несмотря на всю свою, на первый взгляд, привлекательность, получившую широкое распространение попытку *Верещагина* и *Костомарова* 1990, 75 квалифицировать означаемое устойчивых афористических фраз как так называемую “типовую ситуацию, т.е. совокупность обстоятельств, признаков, оценок, положений, но на известном уровне абстракции – в отвлечении от мелких и несущественных характеристик”.

Для большей убедительности сказанного возьмем в качестве иллюстрации самый, пожалуй, “неудобный” по причине своей сакраментальности пример *<Все> люди смертны*, который рассматривается всякий раз в качестве образца общих суждений, где что-либо утверждается или отрицается о каждом предмете какого-либо класса предметов. Принято считать, что в высказываниях такого типа речь идет о множестве всех людей как классе, каждому из элементов которого присуще данное свойство. В таком случае данное высказывание должно быть тождественно по своей семантической структуре высказываниям типа *<Все> соседские дети больны*. Однако между этими двумя высказываниями есть одна весьма существенная разница, которая заключается в том, что во втором высказывании мы имеем дело с множеством конкретных объектов (*соседских детей*), тогда как в первом естественно не имеется в виду никакого множества каких-то определенных лиц (поскольку представление в качестве множества конкретных объектов совокупности всех существующих, когда-либо существовавших или тех, что будут существовать в ближайшем обозримом будущем, индивидов очевидно нерелевантно для языкового сознания, прежде всего в эпистемологическом смысле). Субъект высказывания *<Все> люди смертны* можно также интерпретировать и как так называемое генерическое множество людей (людей как таковых), но и в этом случае оно будет, несомненно, лишено той конкретности, которая будет присутствовать при возможной аналогичной квалификации субъекта высказываний типа *<Все> соседские дети больны* (соседских детей как таковых). Именно поэтому, кстати, возможно употребление в том же смысле эллиптического *Все смертны* при невозможности *Все больны* вне соответствующего контекста. Совершенно очевидно, таким образом, что во втором случае мы имеем дело с означением определенной ситуации (совокупности таких обстоятельств, как наличие соседей, болезнь их детей и т.д.), а в первом – только соответственного суждения, полученного в результате такой разновидности индуктивного умозаключения, как

неполная индукция, все посылки которой (*Некто один умер, Некто другой умер, Некто третий умер и Никто не встречал человека, который бы никогда ни умирай*), однако, основаны на перцептивном опыте и представляют собой высказывания, означающие соответствующие ситуации действительности.

Во-вторых, логическим эквивалентом высказываний, где обобщается действительность, обычно считается общее суждение. Однако общим суждением может быть и высказывание, где сообщается об определенных частных, конкретных ситуациях действительности, ср., например, *Все бобры строят плотины* и *Все ее дети учатся музыке*. Можно думать, что разграничение высказываний по признаку конкретного или абстрактного отражения действительности вообще является нерелевантным для языка логики, что подтверждается отсутствием в нем соответствующего специального типа суждений, хотя среди общих суждений и выделяются так называемые “регистрирующие” — такие общие суждения, в которых что-нибудь утверждается или отрицается о классе с ограниченным, точно не определенным количеством предметов (см. Кондаков 1971, 450). Симптоматично в связи с этим, что в терминах логической семантики (главной целью которой, следует напомнить, является, не утрачивая точности описания, избавить от упрощенности языков математической логики, т.е. адекватно отразить особенности естественного языка), высказывания $\forall xP(x)$, в которых обобщается действительность, и соответствующие высказывания, в которых она не обобщается, как правило, никак не дифференцируются даже в тех случаях, когда рассматривается сама “идея всеобщности” в логике и в естественном языке (ср., например, в Падучева 1989).

И, наконец, в-третьих, понятие “обобщенное высказывание” (как и понятие “обобщение действительности” на уровне фразы) чаще всего связывается с литературоведческими понятиями “сентенция”, “максима”, “афоризм”, “парадокс” и т.д. (как разновидностями литературного жанра “изречений”), а также с преимущественно паремиилогическими понятиями “поговорка” и “поговорка”, и поэтому на эпистемологическом уровне не только не рассматривается как собственно лингвистическое, но и вообще считается, как правило, целиком ясным и понятным (прежде всего в рамках существующих его интерпретаций в терминах поэтики и фольклористики, а также вообще с точки зрения здравого смысла) и поэтому не требующим специальной лингвистической квалификации. Сам же термин “обобщенное высказывание” и употребляется, главным образом, в отношении упомянутых словесных форм при изучении языка художественной литературы, во фразеологии (в широком смысле) и в паремиилогии.

²³ “Структурно-языковой основой” универсального высказывания, по мнению, отраженному в диссертации Шмариной 1975, служит так называемое “обобщающее предложение”, субъект которого оформляется “одним их обобщающих детерминативов” (поскольку “не имеет непосредственного ситуативного референта”), предикат — “ахронистическим (вневременным) настоящим временем”, а семантика обобщенности “воплощается во всей конфигурации предложения”, будучи проявлением, в свою очередь, так называемой “функционально-семантической категории обобщения”, которая “строится на основе инвариантного значения обобщенности”, находя свое конкретное вы-

ражение на различных языковых уровнях: морфологическом, лексическом и синтаксическом.

²⁴ Достаточно сказать, например, что только в середине 70-х гг., если не считать популярной статьи *Успенского* 1964, появились первые попытки теоретического обобщения поэтической природы афоризма (ср., например, *Федоренко* 1975), а первый опыт общей теории афористики в терминах литературоведения *Федоренко* и *Сокольской* 1990 и вообще относительно недавно.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.

Афоризмы // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. 2а. СПб., 1891. С. 494.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения [1955]. 4-е изд., доп. М., 1987.

Бабушкин Н.Ф. Фразеологические обороты в сочинениях В.И.Ленина: (Пословицы, поговорки, крылатые слова) // Русский фольклор. Вып. 1. М. – Л., 1956. С. 5–21.

Бармин А.В. Мудрость эпоса: (Гнома в эпосе С.Н.Сергеева-Ценского “Преображение России”) // Русская речь. 1976, № 3. С. 45–49.

Барсов А.В. Пословицы // *Барсов А.В.* Живое слово для изучения родного языка: Курс 2-го кл. // Филологические записки. Воронеж, 1890. Т. 29. Вып. 2. Часть IV. С. 18–22.

Беленький Е.И. Заметки об афоризмах М.Горького / Ученые записки Омского гос. пед. ин-та им. А.М.Горького. Вып. 15. Омск, 1961.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. М., 1994.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Лингвистические заметки и афоризмы [1903] // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М., 1963. Т. 1. С. 33–55.

Бортник Г.В. Козьма Прутков и его афоризмы // Русский язык в школе. 1993, № 2. С. 77–80.

Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческий план афористики // *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [1973]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. С. 162–195.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов [1983] // *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [1973]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 71–80.

Виноградов В.В. Язык и стиль басен Крылова [1945] // *Виноградов В.В.* Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 148–181.

Винокур Г.О. “Горе от ума” как памятник русской художественной речи [1948] // *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 219–222.

Винокур Г.О. О крылатых словах А.С.Грибоедова [фрагмент статьи “Горе

от ума” как памятник русской художественной речи”] // Русский язык в школе. 1974, № 6. С. 57–58.

Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений [(1945?) 1959] // *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 112–140.

Влахов С. Афористика А.С.Грибосдова в болгарском переводе // Болгарская русистика. София, 1992. Г. 3/4. С. 2–12.

Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986, № 3. С. 56–62.

Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. Т. 87: Вопросы теории и методики русского языка. Пермь, 1971. С. 3–23.

Гак В.Г. Высказывание // ЛЭС. М., 1990. С. 90.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики: (1972). М., 1973. С. 349–372.

Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 43.

Глазголевский П.П. Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1874.

Гладышева Л.А. Афоризмы В.А.Жуковского // Русский язык в школе. 1983, № 1. С. 56–59.

Глухих В.М. Афоризмы Н.Островского // Русский язык в школе. 1988, № 2. С. 78–81.

Горнунг Б.В. О возможности разной интерпретации “крылатых слов” // Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967. С. 157–163.

Гудок В.С. Афоризм и пословица // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (5). Львов, 1967. С. 88–96.

Гучинская Н.О. Афоризм как интертекстуальный вариант лирико-стихотворного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993. С. 38–46.

Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: В 2-х т. М., 1984.

Держачев И. Русский синтаксис в пословицах и поговорках // Учитель. СПб., 1870. Т. IX, № 2. С. 43–50.

Желтов И.М. Этимологические афоризмы // Филологические записки. Воронеж, 1877. Т. 16, Вып. IV. С. 65–81.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [1966]. 4-е изд., испр. и доп. М., 1991.

Иванов Е.Е.^(а) К проблеме создания словаря афористических единиц русского языка // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992. С. 184–187.

Иванов Е.Е.^(б) Несколько слов об афоризме как объекте лингвострановедения // Заочное обучение русскому языку: проблемы и перспективы: Тезисы Международ. симпозиума (26–29 октября 1992 г.). М., 1992. С. 31–33.

Иванов Е.Е.^(а) Афоризм и лингвоафористика // Вопросы романо-германской и русской филологии: (Лексикология). Пятигорск, 1993. С. 36–42.

Иванов Е.Е.^(б) О так называемых “языковых” и “речевых” афоризмах //

Учебная лексикография и проблемы словосочетания: Тезисы межвуз. совещ.-семинара (29 сентября – 1 октября 1993 г.). Пятигорск, 1993. С. 36–38.

Иванов Е.Е. Структурная парадигма афоризма как единицы языка vs. речи // Вопросы романо-германской филологии: (Прагматика и семантика). Пятигорск, 1994. С. 83–89.

Иванов Е.Е. Афоризм как единица языка vs. речи: (К истории и теории понятия) // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тезисы Международ. конф. (1–4 февраля 1995 г.): В 2 т. М., 1995. Т.1. С. 192–193.

Иванов Е.Е. Семантические типы языковых афоризмов: (На материале восточнославянских языков) // *Literatury i języki słowian wschodnich: stan obecny i tendencje rozwojowe*: Т. I–II. Opole, 1997. Т. II. S. 111–114.

Иванова С.[Ф.], Иваноў Я.[Я.] Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мінск, 1997.

Иваноў Я.Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб'ект лінгвістыкі // *Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер 4*. Мінск, 1994. № 3. С. 61–65.

Иваноў Я.[Я.] Прынцыпы сістэматызацыі афарыстычных выказванняў // Молодые гуманитарии Беларуси – 1995. Минск, 1995. С. 75–96.

Иваноў Я.Я.⁽⁶⁾ Афарызм у сусветнай і еўрапейскай літаратуры і культуры: (Да гісторыі і тэорыі афарыстыкі як асобнай сістэмы ведаў) // *Адам Міцкевіч і сусветная культура = Adam Mickewicz i kultura światowa*: У 5 кн. Гродна, 1998. Кн. 5. С. 79–93.

Иваноў Я.Я.⁽⁶⁾ Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі: (На матэрыяле моўнай афарыстыкі) // *Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я., Мячкоўская Н.Б.* Сацыякультурная прастора мовы. Мінск, 1998. [Гл. 2]. С. 33–62.

Коваленко С.А. Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М., 1989.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 4–17.

Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962.

Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // *Проблемы структурной лингвистики: (1985–1987)*. М., 1989. С. 196–206.

Кришман А. Паремиилогические эксперименты Г.Л.Пермякова // *Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г.Л.Пермякова*. М., 1995. С. 338–382.

Кулишкіна О.Н. Жанр афоризма в художественно-философском творчестве В.Ф.Одоевского 1820-х гг. // *Русская литература*. СПб., 1997. № 2. С. 32–39.

Латина М.С. О происхождении афоризма “Цель оправдывает средства” // *Известия РАН. Сер. лит.-ры и яз.* М., 1995. Т. 54, № 5. С. 24–36.

Ласорса-Сьедина К. Афоризмы в преподавании русского языка // *Русский язык за рубежом*. 1992, № 1. С. 90–93.

Левин Ю.И. Провербиальное пространство // *Паремиилогические исследования*. М., 1984. С. 108–126.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А. Жаргон-энциклопедия московской тусовки. М., 1997.

Макловски Т., Кляйн М., Щуплов А. Жаргон-энциклопедия сексуальной тусовки для детей от 8 месяцев до 18 лет (ЖЭСТ-1) и от 18 до 80 лет и дальше (ЖЭСТ-2). М., 1999.

Немер В.И. Афоризмы М.Горького: (Структурно-семантический анализ): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Днепропетровск, 1973.

Николаева Т.М.^{а)} "Модели мира" в грамматике паремий // Филологический сборник. М., 1995. С. 316–325.

Николаева Т.М.^{б)} Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995. С. 311–324.

Освоецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952, № 3. С. 93–112.

Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П.Григорьев, И.И.Ковтунова, О.Г.Ревзина и др. М., 1990.

Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. 1989, № 2. С. 15–25.

Пермяков Г.Л. К вопросу о русском паремиологическом минимуме // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 131–137.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я.Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 247–274.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М., 1970.

Пермяков Г.Л. Паремиологический эксперимент: Материалы для русского паремиологического минимума: 1500 русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. М., 1971.

Перцов Н.В. Об одном афоризме // Московский пушкинист. Вып. 4. М., 1997. С. 15–22.

Плотнікаў Б.А. Фразеалогія // Плотнікаў Б.А. Агульнае мовазнаўства. Мінск, 1994. [Гл. 10]. С. 242–263.

Поговорки, пословицы, прибаутки, употребляемые в лагерно-благной среде // Словарь тюремно-лагерно-благного жаргона: (Речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д.С.Балдаев, В.К.Белко, И.М.Исупов. М., 1992. С. 334–341.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка [(1883–1884) 1892] // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 55–131.

Прохоров Ю.Е. Афоризм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 25–26.

Прохоров Ю.Е. Лингвострановедческое описание афористики в учебных

целях: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1977.

Пулинец А.С. Об афористическом жанре и месте афоризмов в творчестве А.М.Горького // Ученые записки Черновицкого гос. ун-та. Сер. филол. наук. Т. 29. Вып. 5. Черновцы, 1958. С. 3–36.

Райхштейн А.Д. Об устойчивых фразах и “готовых” предложениях // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 7. М., 1972. С. 79–86.

Роднянская И.Б. Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней // Московский пушкинист. Вып. 3. М., 1996. С. 62–74.

Рожанский Ф.И. Сленг хиппи: Материалы к словарю. СПб. – Париж, 1992.

Рождественский Ю.В. Что такое “теория клише”? // *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М., 1970. С. 213–237.

Розанова Л.А. Об афоризмах и афористичности стиля в поэме Н.А.Некрасова “Современники” // Н.А.Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX веков. Ярославль, 1982. С. 50–68.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Рудов В.Ф. Фразеология произведений М.Горького // Ученые записки Таганрогского гос. пед. ин-та. Вып. 1. Т. II: (Кафедра рус. яз.). Таганрог, 1957.

Рыбникова М.А. Введение в стилистику. М., 1937.

Сандова С. Крылатые слова и афоризмы русских писателей и проблема их перевода на болгарский язык // Болгарская русистика. София, 1985. Г. 12, № 5. С. 91–93.

Словарь Академии Российской. Ч. 1, СПб., 1789.

Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М. 1981–1984.

Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.

Сукиасова И.М. Язык и стиль пародий Козьмы Пруtkова: (Лексико-стилистический анализ). Тбилиси, 1961.

Тарланов З.К. О предложении типа “Ум – хорошо” в русском языке // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 5–14.

Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов [1955]. 4-е изд., испр. и доп. М., 1963.

Успенский Л. Коротко об афоризмах // Афоризмы: Избранные изречения деятелей литературы и искусства / Сост. Е.С.Райзе. Л., 1964. С. 3–20.

Федоренко Н.Н., Сокольская Л.И. Афористика. М., 1990.

Федоренко Н.Т. Афоризм как жанр словесного искусства // Вопросы литературы, 1973, № 9. С. 157–164.

Федоренко Н.Т. Меткость слова: (Афористика как жанр словесного искусства). М., 1975.

Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Жанровые и видовые особенности афоризмов // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз., М., 1985. Т. 44, № 3. С. 245–256.

Фелицына В.П. О пословицах и поговорках как материале для страноведческого словаря // Проблемы фразеологии. М. – Л., 1964. С. 200–204.

Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь [1980]. 2-е изд., испр. и доп.

М., 1988.

Фразеология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 456–515.

Фюрстенберг А.И. Афоризм // БСЭ: (В 30 т.). 3-е изд. Т. 2. М., 1970. С. 434.

Чайковский Р.Р. Слова, вставшие на крыло: Афоризмы Б.Окуджавы // Русская речь. 1994, № 2. С. 22–25.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: Т. 1–2. 2-е изд. М., 1994.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [1963]. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Шестакова Л.Л. “Рукой Грибоедова... водил сам язык” // Русский язык в школе. 1995, № 1. С. 51–58.

Шмарина В.И. Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения: (На материале английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1975.

Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 43–44.

Grosse S. Das syntaktische Feld des Aphorismus [1965] // Der Aphorismus: zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung / Hrsg. von G. Neumann. (Wege der Forschung. Bd. 356). Darmstadt, 1976. S. 378–398.

Neumann G. Ideenparadiese. Untersuchungen zur Aphoristik bei Lichtenberg, Novalis, Friedrich Schlegel und Goethe. München, 1976.

Permiakov G.L. From Proverb to Folk-Tale (Notes on the General Theory of Cliché). М., 1979.

Научное издание

Иванов Евгений Евгеньевич

**ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ АФОРИЗМА
В РУСИСТИКЕ 60-80 гг.:**
(Проблемы формирования лингвистической теории афоризма)

*Доклад на IX Международном конгрессе МАПРЯЛ
(Братислава, Словакия, 16–21 августа 1999 г.)*

В авторской редакции

Ответственный за выпуск Артюшевский Е.Е.

Сдано в набор 02.08.1999. Подписано в печать 30.08.1999.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3 Уч. изд. л. 3 Тираж 120 экз. Зак. № 145/168.

Издание и полиграфическое исполнение ЗАО «Веды»
Минск, ул. Матусевича, 46
Лицензия ЛВ № 184 от 23.01.1998 г.

ISBN 985-450-021-7

9 789854 500218